



Андрей Захаров,  
редактор журнала  
«Неприкосновенный запас:  
дебаты о политике  
и культуре»

## «Национальный лидер» как симптом

Рассуждая о непоследовательности петровских реформ, Василий Ключевский замечает, что с модернизацией государственного аппарата великий царь не справился. Ибо в административной машине, которую он создал, *лица взяли верх над учреждениями*. В этом, по мысли историка, заключалась одна из напастей славного царствования — упущенный шанс, непростительное пренебрежение институциональным фундаментом общественной жизни, отозвавшееся потом многократно. Нам не было бы дела до той давней истории, если бы в России XXI века пагубное увлечение «лицами» в ущерб правилам, принципам и установлениям навсегда отошло в область предания. Но поскольку страна вновь переживает муки становления очередного «национального лидера», неплохо было бы понять, чего следует ожидать от такого приобретения.

### «Национальные лидеры» не слишком ответственны

Выдающаяся особенность любого «лидера нации», «вождя», «руководителя страны, народа и партии» состоит в том, что он *принципиально не связан политическими ограничениями*. Ведь он — не какое-нибудь ведомство, опутанное регламентами и условиями, а личность, свободно намечающая и реализующая великие предназначения и планы. Этой человеческой своей ипостасью он, собственно, и привлекает массы. Невозможно представить себе отношения любви между учреждением (например, парламентом, пусть даже британским) и народом; но вот «национальный лидер» вполне может состоять с гражданами в самой душевной связи. О Конституционном суде не получится сложить песню, сколько ни старайся, но зато «лидер» в состоянии стимулировать самые искренние творческие порывы во всех без исключения науках, искусствах и ремеслах.

К сожалению, с безбрежной человечностью «национального лидера» связаны не только сильные, но и

слабые его стороны. Подобно всякому человеку, он может ошибаться. Более того, он допускает просчеты чаще любого коллегиального органа, так как физически не способен осваивать весь массив объективной информации, пользуясь лишь специальными выборками «фактов», которые готовятся для него уполномоченными на то лицами. В закрытой политической системе альтернативные данные просто не в состоянии достичь глаз и ушей верховного руководителя: оппозиции, имеющей реальную возможность прийти к власти, в стране нет, поэтому иными взглядами и прогнозами можно откровенно пренебрегать. А так как связь «лидера» с гражданами является *прямой*, то есть не предполагает посредников в лице учреждений, структур, институтов, поправить его в тяжкую минуту ошибки абсолютно некому. В особенности там, где граждане не привыкли и не приучены реагировать на душевные и материальные порывы начальства.

Между тем если принятие решений в лично ориентированной политике есть вещь сугубо индивидуальная, то ответственность за промахи здесь, напротив, никогда не бывает только личной: расплачиваться, пусть даже с отсрочкой, приходится всему народу. «*Национальный лидер*» есть *фигура безответственная* в силу уже своего положения. Что самое печальное, такие «акторы» нередко склонны к авантюрам во внутренней и внешней политике — например, они любят повоевать, что в сочетании с безответственностью ведет порой к грустным итогам.

Появление «национального лидера» означает решительное упрощение политического ландшафта страны. Правила, по которым начинает функционировать политическое сообщество, оказываются, во-первых, чрезвычайно простыми, а во-вторых, крайне текучими. В отличие от неуклюжего института или неповоротливого учреждения, «лидер» оперативно реагирует на меняющуюся ситуацию: это еще одна сильная его сторона. В эпоху глобализации с присущей ей компрессией времени и пространства такое умение может оказаться весьма полезным. Но оно дезавуируется отдельным «минусом» — великим соблазном *действовать, руководствуясь чистой целесообразностью*. Комфортно разместившись за оградой политической системы, первое лицо практически не получает импульсов извне; еще бы, кто, пребывая в трезвом уме, рискнет поучать самого «национального лидера»? С его утверждением на место классической расчлененности власти («сдержки и противовесы») или хотя бы вымученного изображения таковой приходит концентрированная монолитность: задача всех без исключения институтов сводится лишь к тому, чтобы поддерживать лидера в его *заведомо благих* начинаниях. Причем формальное положение великого человека в государственной машине — первая, вторая или третья роль — тут вообще не имеет значения. Аятолла Хомейни, как известно, вовсе не имел должности, что не помешало ему энергично прибрать к рукам весь Иран. А владелец Ливии вполне уверенно ощущает себя в звании полковника и уже много десятилетий нисколько не растет по службе, довольствуясь скромным титулом «лидера национальной революции».

**«Национальные лидеры» не могут без национализма**

Кстати, все вышеизложенное чревато еще одной неприятностью. Ведь подъем очередного «отца народа» в любой стране сопровождается оживлением идеологии, которую называют «органическим национализмом». Она исходит из мнимой целостности и надуманного единообразия политических устремлений общества («главное — во что бы то ни стало сохранить единство народа»), а также из наличия первозданного этнического ядра, на которое, собственно, и наращивается государство. «Национальный лидер» означает *неизменное засилье официального национализма и официальной религиозности*, с этим национализмом связанной. Отнюдь не случайно появление подобных персонажей сопровождало становление современных наций, будь то в Европе или в иных частях света.

К сожалению, вечно отстающая в своем политическом взрослении Россия «проспала» процесс формирования нации: многие специалисты не без оснований полагают, что русские, увлекшись имперским строительством, так и не стали нацией в полном смысле слова — им было некогда заняться собой, поскольку они вечно «поднимали» национальные окраины. «Строительство государства в России мешало строительству нации», — утверждает британский историк Джеффри Хоскинг\*. Сейчас, казалось бы, когда приходится наверстывать упущенное, национальный лидер более чем уместен, ибо он помогает консолидировать страну, а заодно и «нацию». Не ясно, правда, какую именно. Подвох здесь в том, что Россия многонациональное государство. А это значит, что многих ее граждан не могут не смущать как беспрестанные разговоры о безмерном величии «русского национального гения», который всегда и всех побеждал, так и разбухающая на глазах общественная роль православной церкви.

В принципе *для полиэтничных обществ модель «национального лидерства» можно считать противопоказанной*. Ведь, вместо того чтобы практиковать сложность и многообразие социальной жизни, она исходит из ее простоты и примитивности. В итоге для решения весьма запутанных проблем предлагаются *простые* рецепты, которые, как правило, заимствуются из вчерашнего или позавчерашнего дня и щедро приправляются демагогией. Поскольку «вождь», как я уже говорил, не связан конвенциями и правилами, никем не контролируется, а действовать предпочитает «целесообразно», именно к таким решениям он и тяготеет. Их негативный эффект может проявляться далеко не сразу, что порой вводит в заблуждение тех, кто очарован динамизмом и деловитостью энергичного «первого лица». Лидеры, однако, со временем занимают свои места в мавзолеях и летописях, но зато неприятности, на которые они предпочитали закрывать глаза, остаются. Примеров опять-таки великое множество.

---

\* Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. Смоленск: Русич, 2000. С. 11.



Марк ди Сувэро. Ангел штормов. 1973

### «Национальные лидеры» не в ладах с миром

Еще одной особенностью «национальных лидеров» всегда было то, что они, а вместе с ними и целые страны, вечно ощущали себя во враждебном окружении. Мышление в алгоритме «враги убили Кирова» отнюдь не прихоть, но жизненная необходимость — это наиболее эффективный способ пресекать все разговоры о последствиях дурной политики, провалившихся проектах, бесчисленных и никак не убывающих несуразностях жизни. В силу априорной неразумности «народа» полагаться на него нельзя, и поэтому руководителю нации приходится самому выбирать, с кем страна должна или, напротив, не должна дружить. Векторы при этом вырисовываются самые неожиданные и труднообъяснимые — в конце концов, это ведь дело вкуса. Далее, вождь всегда стоит за «сильное» государство, причем под «силой» понимаются не накормленные старики или обогретые беспризорники, но исключительно способность к продвижению «национальных интересов» в любом уголке планеты. Например, готовность послать свои эскадры во все океаны разом. Вопрос «зачем» тут более чем неприличен: враг, что совершенно очевидно, не дремлет, а на границе тучи ходят хмуро — разве этого не достаточно? В голове «национального лидера» идет нескончаемая война, ведь даже самая последняя мелочь может скрывать

в себе разящее жало враждебных внешних сил. Разумеется, общественная дискуссия на данную тему вождями не приветствуется — в «дилетантских разговорах» нет необходимости.

Политическим идеалом «национального лидера» может быть только империя, пусть даже очень скромная. Именно в эту матрицу наиболее органично вписывается пирамидально-любовная связь вождя с подданными. Но империя должна расширяться, таков закон ее жизни. Но если она не может расти физически, необходима хотя бы виртуальная экспансия. Именно поэтому «национальные лидеры» так любят самолеты, фрегаты, танки. Когда забираешься в подводную лодку, невольно возникает ощущение могущества, и не важно, что твой военный бюджет составляет лишь пару-тройку процентов от бюджета твоего главного «недоброжелателя». Все «национальные лидеры» заботились о своих военных расходах, особенно если у них вдруг появлялись лишние деньги. Поскольку они обычно проводят «активную» внешнюю политику, вся эта военная мощь, бывает, когда-то и где-то применяется — время от времени вожди воюют друг с другом. Впрочем, будем считать, что кальки Сомали и Эфиопии или Колумбии и Эквадора к России по умолчанию неприменимы.

#### **Итог неокончательный, но неутешительный**

Что же мы имеем в итоге? Восход «национального лидера» всегда связан с некоторыми неудобствами для страны и ее граждан. Во-первых, находясь за рамками политической системы, такой персонаж склонен к нарушению устоявшихся норм и правил, а также к прочей безответственности. Во-вторых, его появление влечет за собой всплеск национализма, ибо какой же «национальный лидер» без «нации», им любимой и его любящей? Наконец, в-третьих, «национальный лидер» лелеет оборонное мышление; его не оставляет ощущение, что кругом враги, ему хочется замкнуться от мира, постоянно вмешивающегося в его «внутренние дела», и дружить только с такими же, как он сам, «национальными лидерами». Кроме того, от обороны до наступления рукой подать. Разумеется, предлагаемый здесь портрет основывается на обобщении повадок, присущих «национальным лидерам» других стран, как прошлым, так и настоящим. Нельзя исключать, что российский вариант этой политической конструкции будет совсем другим. Последнее утверждение, впрочем, скорее из разряда желаемого, нежели действительного. А закончить эти краткие заметки мне хочется ссылкой на писателя, который родился в маленькой стране, изрядно натерпевшейся от «национальных лидеров». По словам гватемальца Переса де Антона Франсиско, «у человеческого стада есть обыкновение брести вслед за своими лидерами до обрыва, чтобы дружно броситься в воду. Человечество предается этой забаве с пугающим постоянством, рискуя уничтожить себя собственными руками»\*. Россия, безусловно, не Гватемала. Но что-то беспокоящее русское ухо в этой фразе все-таки есть.

\* *Цит. по: Варгас Льоса М. Тетради дона Ригоберто: Роман. М.: Иностранка, 2008. С. 226–227.*

**«Я не согласен...»**

**П**рочитав эссе Андрея Захарова, я почувствовал себя в ситуации почти забавной: полностью разделяя общий пафос автора, я не согласен почти с каждым его частным тезисом. Я разделяю его отвращение к институту «отца народа», полагаю, как и он, что расцвет такого института опасен для каждого народа как временная слепота или помешательство. Однако его аргументы вызывают возражения, а то и раздражение. Главное, что раздражает, — это то, что А. Захаров чрезмерно упрощает тему. Для него национальный лидер — это только самодержец, а вернее — диктатор, тиран. Это странно. Спектр известных истории национальных лидеров гораздо богаче. Сплошь и рядом политик становится национальным лидером в условиях демократических и не проявляет никаких потенций диктатора. Взять хоть Ганди, хоть Гавела, хоть Линкольна. Другое дело, что практически все диктаторы старались выдать себя за национального лидера, это было им важно чисто инструментально, но, как говорится, всякая селедка — рыба, но не всякая рыба — селедка: всякий диктатор «косит» под отца народа, но не каждый национальный лидер — диктатор. Словом, А. Захаров толкует в основном о деспотии, притом скорее в ее античных, почти легендарных формах, которые давно уже просто немыслимы в современном мире — они не работают и выглядят каким-то анекдотом.

Ключевой тезис А. Захарова, постоянно возникающий в его тексте, таков: национальный лидер не связан политическими ограничениями. Это не так. Даже самодержец ограничен принятыми им самим законами, не говоря уже о том, что он постоянно вынужден принимать в расчет интересы собственного окружения, будь то класс или клика. История России плодоносит примерами таких ограничений. Неудивительно, что вся механика власти НЛ описана в таких мрачных красках, что остается только даваться диву, как это подобная конструкция могла существовать на протяжении тысяч лет — а ведь она и вправду господствовала на протяжении почти всей истории человечества, воплощаясь в царях, королях, императорах, султанах и прочих магараджах. Такая



*Леонид Смирнягин,  
доктор географических наук,  
профессор Московского  
государственного  
университета  
им. М. В. Ломоносова*

«забывчивость» возможна лишь в том случае, если оставить без внимания (как это и делает А. Захаров) едва ли не главное обстоятельство: в какой мере национальный лидер как институт власти соответствует состоянию самого общества.

Об обществе как самостоятельном акторе у А. Захарова вообще речи нет, а зря. Взамен чрезмерных проклятий в адрес национального лидера ему стоило бы порассуждать о том, как сам народ порождает отца своего, как в нем вызревает странная нужда в сервиллизме, под которую он готов обожать почти любого, кто в данный момент взгромоздится на престол. В наши дни это случается сплошь и рядом, особенно после крупных общественных потрясений, когда народ вдруг чувствует усталость от перемен и хочет забыть о политике ради бытовых нужд. Вот это и есть главная объективная основа для культа отца народа, а не злокозненные происки самого претендента в отцы. У Алексиса де Токвиля есть насчет этого такая сентенция: свобода обременительна, она нуждается в повседневном культивировании, народы порой устают от такого труда и впадают в политическую апатию, предоставляя властям делать что угодно, и опоминаются только уже впад в полное ничтожество.

Институт НЛ настолько не нравится А. Захарову, что для его обличения он готов привлекать аргументы даже взаимоисключающие. У него национальный лидер одновременно поднимает волну национализма и мечтает об империи. Между тем классическая империя находится с национализмом в весьма сложных отношениях, потому что она претендует на объединение разноплеменных образований. Россияне — нация имперская в недалеком прошлом, а нынешний всплеск национализма как раз и говорит о постепенной утрате ими данного качества, то есть о деградации, о неуклонном падении ранга до нации регионального значения.

Походя наш автор задает некоторые фундаментальные вопросы — слыш-

ком фундаментальные, чтобы полемизировать с точкой зрения А. Захарова в этом небольшом формате. Таковы, например, его утверждения, будто русские так и не стали нацией в полном смысле слова, или что Россия — многонациональное государство (кстати, если 15 процентов нерусских дают для этого основания, то в мире, поди, и не сыскать хотя бы дюжины мононациональных государств).

Своеобразным юмором отдает заключительная фраза эссе А. Захарова: мол, его текст — это обобщение повадок национальных лидеров других стран. Если это не юмор, то чистое жеманство, потому что по тексту рассыпано немало намеков на «великого и ужасного» — и про подводную лодку, и про пару процентов от военного бюджета главного недоброжелателя (кстати, все-таки десяток, а не пара). Ясно, что речь идет о современной России и о Владимире Путине. Между тем как раз восемь лет правления В. Путина дали нам пример очень своеобразного национального лидера, мало похожего на образ, рисуемый А. Захаровым. В. Путин оказался на редкость неамбициозным политиком, власть сама по себе его не очень-то пленяла: в отличие от Б. Ельцина (который с удовольствием брался решать самые мелкие вопросы — лишь бы его спросили) В. Путин чурался текучки. Поэтому его правление отличали, среди прочего, слабый контроль над своей администрацией и командой в целом, позиция невмешательства президента в текущие дела, разгул «серых кардиналов». В недрах Государственной думы даже вызрело такое присловье: что значит «Кремль решил, Кремль требует, Кремль велел»? У Кремля много башен: есть Спасская (президент), есть Никольская (премьер), есть Спасо-Еленинская, где при Грозном Пыточный приказ был (ФСБ), а есть еще много других, в том числе безымянные — и каждая гнет свою линию...

В этом свете было бы нелепо приписывать В. Путину замашки тирана и деспо-



*Ментейм Буунма. Дом надежды. 1997*

та только потому, что он был как бы национальным лидером. Конечно, кое-что в его правлении давало основания для таких подозрений — например, избирательное применение прокурорских санкций против неугодных бизнесменов, отмена губернаторских выборов по вздорному поводу «борьбы с терроризмом». Подобные меры выглядели строительством властной вертикали, но на самом деле она так и не сложилась. Главные причины путинского реформирования политических институтов, на мой взгляд, вовсе не его диктаторские (якобы) интенции, а специфика мышления силовиков: для них гражданский строй государства и федерализм, в частности, кажутся конструкцией чрезмерно сложной для понимания по сравнению с той властной вертикалью, которая так уместна в силовых ведомствах, и они стараются упростить конструк-

цию до такого уровня, когда они начнут ее понимать, а поскольку у возможностей для понимания есть некие физиологические пределы, то это упрощение заходит порою весьма далеко, выхолащивая суть политических институтов до неузнаваемости.

Возможно, я слишком серьезно воспринял текст А. Захарова. Ведь видно же по вальяжности стиля и нарочитой небрежности, что это именно эссе, но не в духе монтеневских «Опытов», а в духе современного, где эссе отличается от исследования прежде всего необязательностью утверждений и даже безответственным упрощенчеством — этакая проба пера, шутка гения, заметки на полях. Все это больше напоминает живую речь. Поэтому если я не угадал с жанром своих реплик, то прошу прощения. Более уместным был бы жанр стеба, но из почтения к автору я на него не решился.





*Ирина Бусыгина,  
доктор политических наук,  
профессор МГИМО (У)*

## ***Некоторые размышления о «национальном лидере»***

### **Вождь и российское сиротство**

Россия всегда была богата большими идеями на свой собственный счет. Обычно от них веет трагизмом и вообще сильными чувствами: это идеи о вечном одиночестве в мире без друзей, о высоком долге страны, жертвующей собой, чтобы преподнести всей планете урок, об особой и всечеловеческой миссии. Важное место в этом идейном своде занимает мысль о неспособности российского народа решать какие-либо масштабные задачи без предводительства *сильного лидера*. Наша история, говорят сторонники такого взгляда, изобилует многочисленными тому подтверждениями: здесь и Петр, прорубавший окно в Европу, и Ленин, раздувавший всемирную пролетарскую революцию, и Сталин, совершивший индустриализацию огромной, но отсталой страны и силой своего гения победивший фашизм. Да, конечно, приходилось идти на жертвы, но их неизменно затмевали великие прорывы. «Народ-овощ» или «народ-богоносец» — вот две ипостаси восприятия соотечественников, присущие сторонникам подобного подхода. Наш народ, полагают они, или вообще неспособен ни на что путное, находясь от века в «первозданно природном» состоянии, или же ему просто некогда заниматься мелочным обустройством собственной жизни, поскольку его миссией являются исключительно великие дела. Поэтому при любом раскладе в российской повседневности без лидера просто не обойтись. В общем, такие вот «высокие отношения» между лидером и народом.

Ничего нового в последнее время по части идей у нас не придумывается; в основном реанимируется не слишком забытое старое. Потребность в национальном лидере сегодня обсуждается все громче, эта идея в очередной раз стремительно набирает сторонников. Действительно, пора восстановить величие России, показать миру, что мы — не просто

страна в ряду других, но что-то особенное, небывалое. Мир должен это признавать, он обязан уважать нас и не забывать исправно выказывать это уважение. На чем будет базироваться величие — не столь существенно. По-настоящему важно то, что совершить прорыв в состоянии только лидер, великий человек.

### Лидер какой нации?

Лидера, ниспосланного для реализации великих прорывов, обычно называют «национальным». Сразу же рождается неуместный во-

прос: а что, у нас уже есть-таки «нация»? В самой этой формуле изначально содержатся или наивность, или намеренное лукавство, поскольку в ней по умолчанию признается, что нация в стране уже присутствует или, по крайней мере, налицо все предпосылки для ее консолидации. Однако, что же это за нация? Речь идет о нации гражданской или нации этнической? Если верно первое, то она должна состоять из граждан — именно граждан, а не просто жителей. То есть людей, активных и неравнодушных к тому, что происходит вокруг. Или, если хотите, людей просвещенных, чтобы уметь делать сознательный выбор, в том числе политический. Есть ли в России такая нация? Увы, нет в России такой нации. Ибо отсутствует критическая масса граждан, позволяющая говорить применительно к нам о «нации политической».

В таком случае, остается нация этническая? Но помышлять об этом в стране многих этносов, казалось бы, просто нелепо. Уж если очень хочется, то можно думать о «нациеобразующем» русском этносе; но тогда и лидера надо называть правильно: «русский национальный лидер». Имея при этом в виду, что обязательной «нагрузкой» к такому персонажу окажется большой русский национализм.

Так что следует признать, что «национальный лидер» есть просто фигура речи; на самом деле под ним подразумевается лидер не национальный, а харизматический и/или этнический. Такой вот особенный человек — мощной силы, с даром провидца и вдохновителя всех русских. В общем, как раз по мерке для великой страны: судьбоносный и богоданный.

### Откуда он придет?

Лидеры, даже «национальные», не падают с неба. Не способствует появлению таких лидеров и скучный демократический процесс, в ходе которого глава государства определяется через процедуру

*Следует признать, что «национальный лидер» в России есть просто фигура речи; на самом деле под ним подразумевается лидер не национальный, а харизматический и/или этнический*

конкурентных выборов, а срок его политической «жизни» на посту главы государства заранее известен и конечен даже при безбрежной популярности. (В современных демократиях, кстати, подобный уровень популярности вообще маловероятен.) Наконец, идеология национального лидерства не вяжется с контекстом, в котором главе государства приходится учитывать множественность и разнообразие интересов и отказываться от волюнтаристских решений, поскольку это будет стоить кресла ему самому и репутации его партии.

В основном «национальные лидеры» появлялись в результате или переворотов (похоже, не наш случай), или же законной победы на выборах, за которыми — при попустительстве общества и деградации гражданской культуры — следовали разрушение многопартийности и устранение реальных политических оппонентов. Особый вариант являют общества, где политика выступает продолжением религии, а лидер национальный фактически оказывается лидером религиозным. Последний случай, однако, тоже не имеет к нам отношения.

В России, похоже, реализуется либо какой-то принципиально новый способ, либо мягкий (и весьма унылый) вариант второй из упомянутых опций — победы на выборах. Поле политической конкуренции сжимается, а голоса оппонентов звучат все глуше; церемония выборов соблюдается, но их результат известен заранее — на деле выборы предстают назначением на роль «национального лидера». Какая все-таки проза!

#### **А что скажет остальной мир?**

Андрей Захаров в своем материале правильно пишет о лозунгах для внутреннего потребления, которые несет с собой становление «национального лидера»: «отечество в кольце врагов», оборонное (я бы даже усилила: «амбразурное») мышление, реанимация империи и сильного государства. Чем ответит на это мир? Ответ, собственно, уже виден: достаточно взглянуть на развитие отношений между Россией и нашим соседом — Европейским союзом. Один из парадоксов их взаимодействия состоит в усиливающемся контрасте между бурно развивающейся взаимной торговлей и политическим диалогом, интенсивность которого, напротив, близка к «точке заморзания». К середине 2007 года позиция ЕС по отношению к России изменилась принципиально по сравнению с ситуацией, скажем, десятилетней давности: европейские лидеры признали свою неспособность влиять на реформы в России, приступив вместо этого к выработке общих мер, позволяющих нейтрализовать возможные негативные акции нашей страны в отношении единой Европы. Западные политики охотно идут нам навстречу: попытки россий-

ского руководства и кремлевских идеологов разыграть карту противостояния России как «энергетической сверхдержавы» зловредному Западу представляются ими в качестве вполне реальной угрозы Европе со стороны непредсказуемой России. Фактор российской опасности активно используется европейской бюрократией как предлог для того, чтобы обосновать делегирование Европейскому союзу дополнительных

полномочий в сфере внешней политики. Такое расширение необходимо для укрепления ЕС в качестве наднационального объединения и превращения

союза в полноценного и эффективного внешнеполитического игрока. Более того, общая тональность российской политики помогает европейской бюрократии убедить страны-члены ЕС согласиться на весьма дорогостоящие совместные меры, нацеленные на уменьшение зависимости от российских поставок нефти и газа.

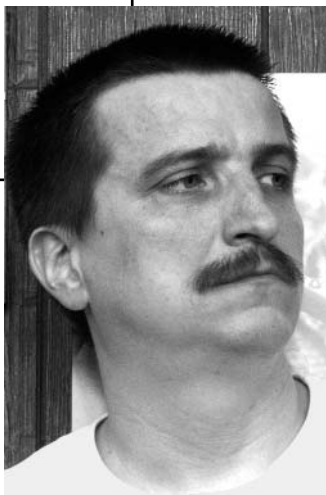
Реализация такого сценария означает, что антироссийская коалиция будет расширяться, а нам в утешение останется весьма скромное число экзотических — по большей части утвердившихся за пределами Европы — режимов с собственными «национальными лидерами». Впору спросить: нам это надо?

### **О взаимной безответственности**

Еще раз вернусь к тексту Захарова — туда, где речь идет о безответственности «национального лидера». Действительно, это явление абсолютно естественное, обусловленное самим его, лидера, положением. Он возвышается над всеми: и над институтами, и над массами, а ограничиваться по собственной инициативе, самому себя осаживать и бить по рукам, не имея внешних ограничителей, — это работа на редкого любителя, как в политической жизни, так и в частной.

Однако лидерская безответственность имеет и обратную сторону: это безответственность самих народных масс. Именно население дает лидеру мандат на высокие свершения, говоря при этом: «Ты знаешь, что и как делать. Мы верим тебе. Мы любим тебя. Ты любишь нас, и поэтому сделаешь все хорошо. Так действуй же!». Тем самым мы с удовольствием снимаем с себя тяжкое бремя ответственности — ответственности именно гражданской! — и движемся в направлении, противоположном гражданской нации. Мы (население, жители, граждане?), конечно, можем утешать себя мифами о нашем «народе-богоносце». Но на деле наша роль при «национальном лидере» — всего лишь роль овоща. Никак не более.

*В России церемония выборов соблюдается, но их результат известен заранее — на деле выборы предстают назначением на роль «национального лидера»*



*Глеб Тюрин,  
директор АНО  
«Институт общественных  
и гуманитарных инициатив»  
(Архангельск)*

## **Патриотизм, идентичность и политика\***

**1**

Писать или говорить о патриотизме — заведомо непростое занятие. Споры на эту тему идут уже не одно столетие, причем не только у нас. Патриотизм, пожалуй, есть одно из самых «поляризованных» понятий, о нем, как правило, говорят или в превосходной форме, или как о чем-то почти недопустимом и неприличном. Достаточно сослаться на знаменитое высказывание, приписываемое англичанину Сэмюэлю Джонсону, жившему еще в XVII веке: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». А с другой стороны, приходят на ум не менее знаменитые слова о. Сергия Булгакова о том, что любовь к Родине — священное чувство, тайна каждого человека, такая же сокровенная, как его рождение.

Откуда такая противоречивость в подходах к одному и тому же феномену? Наверное, есть ряд причин этого.

Одна из них, наиболее очевидная, может заключаться в том, что патриотизм нередко перегружен политическими смыслами, встроен в политические доктрины. Ведь правящие элиты в кризисных ситуациях всегда стремятся использовать его в целях политической мобилизации, то есть в своих собственных интересах. Россия, кстати, в данном случае не исключение, особенно в последние годы, когда патриотизм превратился в один из основных идеологических инструментов, с помощью которых действующая власть очерчивает свои позиции в обществе.

Но, несмотря на сказанное, как мне представляется, патриотизм *нельзя воспринимать лишь как политический конструкт*, сводя его к набору идеологических штампов и пропагандистских приемов. Есть патриотизм — и патриотизм. Оба могут называться одним и тем же словом, оставаясь тем не менее совершенно разными явлениями.

Да, есть патриотизм как политический и пропагандистский дискурс. Он может быть разнообразным или унифицированным, радикальным или мягким, но в

\* См.: Т. Гребенюк. *Оправданна ли монополия на патриотизм* // *Общая тетрадь*, № 4, 2007. — С. 39–53.

любом случае это есть нечто, созданное для реализации конкретных политических целей. Такой патриотизм отличается, если можно так выразиться, предметная осязаемость: он практичен, то есть сформулирован, отточен, продвигаем. Его можно видеть и слышать. Но одновременно есть патриотизм иного рода — патриотизм как *совокупность сокровенно, внутренне ощущаемых и переживаемых ценностей*. Такого рода стихийный и не слишком рациональный патриотизм миллионы людей носят в себе, в своих умах, сердцах и душах. Это переживание их неразрывной связи с Отечеством, которое, между прочим, может быть окрашено как позитивно, так и негативно. Оно зачастую не слишком оформлено или рационально фиксируемо, о нем не очень охотно говорят. Это то, что скрыто, но тем не менее *вполне реально*.

Думаю, очень важно не смешивать друг с другом эти два условно выделенных «потока». Между политической практикой и набором ценностей нельзя ставить знак равенства; следовательно, невозможно говорить о «патриотизме вообще». Разумеется, упомянутые измерения могут быть взаимосвязаны: ведь существование первого предполагает существование второго, практический, внешний патриотизм невозможен без ценностного, внутреннего патриотизма. Но все равно это не одно и то же. Убеждения настоящих патриотов могут не совпадать с официальными политическими доктринами, а иногда и напрямую противоречат им.

Да, патриотизм нередко превращается в составляющую политической практики, но при этом не надо забывать, что значительная часть интересующего нас огромного явления находится за пределами упомянутой практики. Следовательно, тут требуется более отстраненный и нейтральный взгляд. И наоборот, важно видеть, что происходит с патриотизмом в ценностном

его измерении, не политизируя обсуждение этого вопроса. Имея представление об эволюции патриотических воззрений за пределами политики, мы сумеем эффективнее выстраивать саму политическую практику.

## 2

Патриотизм имеет огромное значение в понимании коллективной (национальной) идентичности.

Патриотизм представляет собой один из базовых элементов построения любого большого социума, поскольку является *ключевым проявлением сложившейся в данном социуме коллективной идентичности*. Коллективная идентичность — довольно загадочное явление, с помощью которого социум (например, нация) осознает себя, создает внутри себя образ того, как люди, входящие в его состав, соотносятся друг с другом. Это способ идентификации того, каким образом индивиды объединяют свои «я» и что представляет собой их совокупное «мы». Коллективную идентичность можно также именовать «мы-концепцией» данного социума.

Понятие «мы-концепция» появилось в последние десятилетия, хотя мыслители и ученые давно бьются над пониманием того, что делает, скажем, итальянцев итальянцами, а норвежцев — норвежцами.

Уже французские просветители отмечали, что каждой нации присуще некое внутреннее ядро, задающее ее специфику и особенности. Позднее Виссарион Белинский сформулировал это так: «Каждый народ *имеет свою субстанцию*, как и каждый человек, и в субстанции народа заключается вся его история и его отличие от других народов». В XIX веке предпринималась длинная череда небезуспешных попыток понять и объяснить эту субстанцию. В начале XX века, пытаясь обозначить ее, французский социолог

Эмиль Дюркгейм ввел понятие «*менталитет*».

После открытия Зигмундом Фрейдом бессознательного и разработки Карлом Юнгом понятия коллективного бессознательного сложилось представление о том, что коллективная идентичность является разновидностью социального бессознательного. Дальнейшие научные открытия XX века внесли новую лепту в разработку этой тематики: появились учения о социальном поле и самоорганизующихся системах, нелинейных и напряженных системах, прочие разработки, которые углубили наше понимание коллективной идентичности.

Сегодня фактически сложился консенсус по поводу того, что коллективная идентичность («*мы-концепция*») есть система коллективного бессознательного данного социума. Это сложное и самоорганизующееся образование, которое вбирает в себя коллективные ценности, образы, способы мышления и действия, символы, нормы. Коллективная идентичность — загадочное явление. Хотя трудно понять, каким образом «*мы-концепция*» оседает в головах людей, вполне очевидно, что она определяет следующие важные феномены:

- *коллективное восприятие людьми своего социума как единого целого;*
- *коллективное представление о роли каждого внутри этого целого;*
- *связанную с этими представлениями коллективную картину мира.*

«*Мы-концепция*» определяет развитие нации, она «запускает» жизнь социума. Упрощая, можно сказать, что она содержит ответ на фундаментальный вопрос: «кто мы такие?». Ответы могут быть разными. Например, возможен такой ответ: *мы — братья и сестры, мы единая семья, в которой каждый думает об интересах каждого и готов помочь каждому.* Или другой ответ: *нам нет дела друг до друга, у нас каждый выживает как может.*

За каждым из подобных ответов стоит образ действий и образ мыслей.

Будучи усвоенными, запечатлеваясь в коллективных бессознательных моделях, создавая устойчивые социальные стереотипы, такие образы будут формировать конкретные сценарии. А эти сценарии, воспроизводясь снова и снова, будут предопределять путь общества. Если в коллективной идентичности возобладают одни образы, развитие пойдет по одному пути, другие — изменится и путь. Таким образом, коллективная идентичность так или иначе повлияет на идентичность каждого человека и в значительной степени определит его поведение.

«*Мы-концепция*» не дается раз и навсегда, она может меняться со временем, хотя это происходит не просто и не быстро. Например, она способна трансформироваться со сменой поколений, каждое из которых привносит в общественную жизнь новые черты и характеристики. Порой она делается иной в результате социальных катаклизмов. Например, наша коллективная идентичность существенно изменилась в 1990-е годы.

### 3

Патриотизм как проявление коллективной идентичности надо рассматривать в виде позитивной коннотации своей включенности в социум, как положительное соотнесение себя с социумом. Можно сказать, что это коллективный интегратор, решающий несколько важнейших задач.

Всякий человек осознает себя частью большого целого. Он есть часть своей страны, региона, города, деревни, рода или какой-то иной общности, которая для него значима. Именно через эту включенность формируется личность человека. Кроме того, таким способом преодолеваются внутренние противоречия, существующие в обществе. Ибо «*мы-концепция*» любого на-



Мартин Пурийяр. Без названия. 1997–2001

рода неоднородна. Это набор *разных* норм, образов, кодов, которые могут не просто отличаться, но и противоречить друг другу, конфликтовать между собой. Различными сторонами одной и той же идентичности могут быть и доброта, и жестокость. Скажем, русские люди предпочитают считать себя скорее душевными, открытыми, готовыми помочь ближнему. Но вот читаю Дмитрия Мережковского: нам, русским «не надобен хлеб: мы друг друга едим и сыты бываем». Социумы похо-

жи на людей, в них порой намешано разное, но при этом всегда есть доминирующие нормы и образы.

Патриотизм — бессознательная коллективная апелляция к тем нормам, образам, характеристикам, которые являются значимыми (или доминирующими) и одновременно наделяются позитивным смыслом.

Национальная идентичность почти всегда есть «договоренность» о неких общих ценностях и образах, это более или менее однозначное понимание и



толкование ценностей и образов. Она создает понятную картину мира, помогающую людям объединяться. Коллективная идентичность становится своеобразным «интегрирующим кодом». Наделенному ею человеку зачастую не требуются подтверждения, размышления, сомнения; идентичность делается своеобразным «пропуском», «проходным билетом». Обретя ее, как правило, впитав с молоком матери, человек получает, по сути дела, универсальный способ быть интегрированным. Одним из самых мощных и действенных способов социального объединения оказывается национальная принадлежность.

Идентичность земляков, «своих», живущих на своей земле или даже за ее пределами, — таков один из основных инструментов успешности, помогающий людям найти свое место в мире. К сожалению, русские все меньше и меньше понимают, что это такое. У других народов, напротив, мы часто наблюдаем совсем иное. Появляется, скажем, в каком-то российском городе представитель небольшого народа — вьетнамец или азербайджанец — и спустя какое-то время там уже оказываются несколько человек из той же этнической группы, которые активно поддерживают друг друга. Они коллективно решают задачи, коллективно отстаивают интересы, коллективно расширяют возможности, например, в бизнесе. Их национальная идентичность становится основой их успешности.

Но, возможно, какие-то люди не смогут принять те или иные коллективные нормы, которые присущи национальной идентичности. Не находя способов преодоления этого внутреннего конфликта, человек не сумеет активно действовать, он будет вынужден жить под угрозой исключения из социальной действительности. О патриотизме в таких ситуациях

говорить не придется. Напротив, в подобных случаях возникает стремление покинуть свой социум, перестать быть его частью. Это может стать причиной эмиграции или явления, называемого внутренней эмиграцией.

О патриотизме в России сегодня говорить непросто. Для миллионов людей, живущих на весьма скромные доходы в разных уголках нашей страны, острейшим образом стоит проблема несовместимости собственной идентичности с тем, что считается идентичностью благополучных и преуспевающих, пропагандируемой телевидением. Миллионы «старых русских» никак не могут поставить себя рядом с безумным богатством «новых русских». Они не готовы ассоциировать себя с тем, что в их представлениях абсолютно несправедливо: с таким положением вещей, когда национальные богатства захвачены небольшой группой лиц, интересы которой, по большому счету, не связаны с интересами страны.

Иными словами, у нас имеет место конфликт интересов, образов жизни значительной части элиты и большей части народа. Вообще-то это типичная для России ситуация, она характеризовала нашу страну на протяжении столетий. Вспомним дворянство, которое говорило по-французски, но при этом регулярно пороло своих крепостных на конюшнях. Никогда, однако, разрыв между элитой и остальным социумом не был таким разительным и таким чудовищным. Наше общество расколото, в нем сосуществуют несколько разных обществ. Та Россия, которая владеет большей частью российских активов, живет интересами, весьма далекими от интересов остальной России. И потому многим россиянам сложно ощущать себя патриотами той, первой части их родины.

## 4

Следует понимать, что без формирования позитивной коллективной идентичности невозможно говорить о развитии страны. И дело не только в создании некоего интегрирующего кода. Позитивная коллективная идентичность позволяет существенно увеличить энергетический потенциал социума, помогает аккумулировать новую, дополнительную энергию, заряженную на успех.

Человеческая энергия, выражающаяся в действиях, поступках людей, всегда носит направленный характер — это вектор. Энергия любого человека выходит за границы его физического тела. Способы передачи и распространения человеческой энергии разнообразны. У каждого социума есть собственное энергетическое поле, совокупность векторов и потенциалов всех его членов. В результате объединения этого запаса общая энергетическая составляющая системы может как увеличиваться, так и уменьшаться. Сложение противостоящих и разнонаправленных величин приводит к «вычитанию», снижению общего энергетического потенциала. А сложение синхронизирующихся, одинаправленных потенциалов способно спровоцировать настоящий синэнергетический скачок.

Включение в национальную коллективную идентичность всегда означает рост энергетической заряженности человека. Личность, испытывающая патриотические чувства, гордится своей сопричастностью, она переживает эмоциональный подъем. Такого человека отличает готовность отдавать, он готов помогать своей отчизне, идти на жертвы ради нее и даже погибать за нее. В современной России говорить и писать о таких вещах как-то неудобно, а многим подобные рассуждения вообще кажутся малопонятными. Мы напрочь забыли, что такое массовый патриотизм, не говоря уже о просвещенном патриотизме.

Стоит обратить, однако, внимание на то, что во времена испытаний патриотические чувства растут практически спонтанно: включается саморегулирующийся механизм выживания нации. И тогда ее представители, лидеры в том числе, снова вспоминают, что все они братья и сестры.

Формирование патриотизма как продуктивной национальной идентичности требует, чтобы в эту самую идентичность были включены нормы некоего социального договора, в частности требования справедливости и свободы. Возможно, на первый взгляд это кажется несбыточным. Но, повторяю, в конечном итоге все определяется формами интеграции, формами включения человека в социум, формами отражения этого в коллективной идентичности и идентичности индивида. Включенность — вот ключевое слово.

Огромные возможности в этом смысле предоставляет работа на местном уровне, а именно — развитие местного патриотизма. Ведь коллективная идентичность имеет несколько уровней, среди которых национальность очень важный, но не единственный уровень. Каждому человеку присущ целый набор идентичностей. В этом списке есть признаки первостепенные и второстепенные. Поведение же человека определяется прежде всего той частью идентичности, которая представляется наиболее значимой в конкретных обстоятельствах. И вот тут оказывается, что для любого из нас таковыми выступают местные вопросы и проблемы. Люди живут не в бесконечных пространствах страны, а на своей малой родине. Именно на местном уровне наиболее реально добиться настоящей включенности человека в жизнь социума. Поэтому, перефразируя известное высказывание, можно сказать: «Любой настоящий патриотизм — местный».



*Алексей Макаркин,  
вице-президент Центра  
политических технологий*

## **Эксперт при полуавторитаризме\***

**В** современной России возрождается жанр политических дискуссий. Представители власти и оппозиции, выдвигая политические тезисы, апеллируют к сфере, которая традиционно относилась к экспертному знанию, понимая, что сугубо пропагандистские, не опирающиеся на серьезный фундамент лозунги воспринимаются обществом все с большим недоверием. Другое дело — тезисы, изложенные с привлечением внушительных цифр и исторических сравнений, вызывающих доверие к их авторам, которые предстают в качестве не только политиков, но и экспертов.

### **Проблема ангажированности**

В связи с этим возникает необходимость отделить политическую составляющую от экспертной, ангажированные рассуждения — от основанных на объективных данных. Иными словами, функции политика и эксперта должны быть по возможности разделены.

По возможности, потому что никто не может запретить эксперту иметь свою гражданскую позицию. Эксперт это не компьютер, не робот, а человек со своими эмоциями, человеческими и политическими пристрастиями. Он участвует в выборах не только как специалист, но и как обычный гражданин, голосующий таким же избирательным бюллетенем, как и другие российские граждане. Однако эксперт должен сознательно отделять личные взгляды от своих оценок, которые он представляет обществу. В противном случае он втягивается в политические игры и вольно или невольно дезинформирует потребителей своей аналитической продукции, рассчитывающих получить объективный документ, а не рафинированный вариант политической агитации.

*\* Первоначальный вариант этого текста был опубликован в электронном «Ежедневном журнале» ([www.ej.ru](http://www.ej.ru)) в виде двух статей под названиями "Тоталитаризм и полуавторитаризм — две большие разницы" и "Политики и эксперты".*

Означает ли это, что для эксперта не существует моральных ограничений его деятельности? Разумеется, нет. Эксперт, обосновывающий геноцид или провоцирующий конфликты на почве ксенофобии, не менее преступен, чем непосредственные участники этих преступлений. Эксперт, пропагандирующий тоталитарный режим с лагерями для инакомыслящих, безнравствен — он не может прикрыть свое соучастие в злодействе принципом плюрализма мнений. Точно так же эксперт не может оправдывать террористов, какими бы высокими целями они ни прикрывали свои деяния.

В то же время для эксперта не может быть ложно понятого патриотизма или столь же ложно понятого следования либеральным принципам. Понимаю, что российскому гражданину очень трудно описывать некоторые социально-политические процессы в России так, словно речь идет об Уганде или Буркина-Фасо, но это не означает и права умалчивать о тех обстоятельствах, которые противоречат интересам власти или оппозиции (в зависимости от того, с кем отождествляет себя эксперт). Эксперт не может с доверием относиться к недоказанным суждениям, пусть даже они и соответствуют его внутреннему убеждению, — будь то обвинения в адрес Михаила Ходорковского в том, что он хотел сдать американцам российское ядерное оружие, или версии о вине Владимира Путина во взрывах московских домов осенью 1999 года.

В отличие от политика эксперт не стремится к власти в государстве, в субъекте Федерации, в городе или поселке. Политик, который декларирует, что не имеет честолюбивых намерений, а лишь вносит конструктивные предложения, дабы власти предрержащие их учли, насколько возможно, лишь имитирует деятельность, а зачастую и вводит избирателей в заблуждение (отсюда феномен так называемых спойлеров, отбирающих голоса у реальных участников политического процесса). Для того чтобы получить шанс оказаться у власти, политик должен быть убедительным для своих сторонников, поэтому он не может, как эксперт, долго рассуждать в стиле «с одной стороны, с другой стороны». Политик должен иметь четкие ответы на многие вопросы, чаще говорить «да» и «нет», чем «может быть». Политик может полемически заострять вопросы, значимые для его избирателей; он воздействует на сферу эмоций не реже, а иногда и чаще, чем на разум тех, к кому обращается. Вспомним ставший уже хрестоматийным лозунг «голосуй сердцем» на выборах 1996 года, который побуждал к поддержке Бориса Ельцина тех людей, которые на рациональном уровне не были готовы голосовать за первого российского президента, утратившего к тому времени большую часть своей популярности.

Более того, для политика есть вопросы, которые относятся к числу неудобных или несвоевременных, направления дискуссий, относящиеся к числу «неполезных» как вообще, так и в данное время, исходя из конкретных интересов. Есть темы, объективистское рассмотрение которых может принести пользу оппонентам, — в этом случае политик вряд ли будет концентрировать на них свое внимание. В современной Америке демократы не востребуют данные о стабилизации в Ираке, тогда как для республиканцев командующий американ-

скими силами в Ираке генерал Дэвид Петреус выглядит спасителем, способным помочь им победить на ноябрьских выборах. Можно упрекать политиков за ангажированность, но это бессмысленно: между политическим ристалищем и научно-исследовательским институтом существует принципиальная разница.

Может ли политик быть одновременно экспертом? Однозначный ответ на этот вопрос, наверное, невозможен. Известно немало случаев, когда эксперты приходили в политику, о чем свидетельствует немало примеров из американского опыта: от Вудро Вильсона, единственного профессора на посту президента США, до Мадлен Олбрайт, в течение второго президентского срока Билла Клинтона являвшейся государственным секретарем. При этом Олбрайт (равно как и Збигнев Бжезинский, и Генри Киссинджер, и многие другие) после окончания периода своей политической деятельности вернулась в экспертное сообщество, что не является для западного мира чем-то необычным.

В современной России известен феномен экспертов, которые в начале 1990-х годов стали политиками, что неудивительно, так как до этого времени в России просто не было публичной политической деятельности. Таким образом, экспертное сообщество, хотя бы теоретически знакомое с проблемами политики в демократическом обществе, стало одним из источников рекрутирования новой политической элиты. При этом некоторые из этих политиков, пройдя испытание выборами (и не одними) сохранили качества экспертов высшей квалификации, как, например, Виктор Шейнис или Владимир Рыжков.

Однако большинство политиков лишь апеллируют к экспертным заключениям, часто используя их в собственных интересах и давая им выгодные с политической (часто сиюминутной) точки зрения трактовки. Рассмотрим пример, связанный со ставшим уже банальным для российской оппозиции сравнением нынешнего российского режима с фашистским и экспертной оценкой этой точки зрения.

### **Тоталитаризм или авторитаризм?**

Строгие дефиниции фашизма или тоталитаризма могут рассматриваться в углубленной научной дискуссии, но в политической полемике эти термины часто используются абсолютно произвольно. «Фашистом» в этом случае может стать и американский республиканец рейгановского типа, и латиноамериканский лидер авторитарного типа (Перон или Варгас в XX веке), и испанец Франко, и сторонник Владимира Путина в современной России. Все зависит от угла зрения и степени эмоциональности человека, высказывающего ту или иную точку зрения.

Проводя историческую аналогию, политик, к примеру, подобно Гарри Каспарову\* во время дискуссии, проходившей в начале 2008 года, может походя обличить участников заговора против Гитлера, кото-

---

\* См.: *Ежедневный журнал*. 5 марта 2008.

рые мирились с тоталитарным режимом, пока он действовал эффективно, и выступили против Гитлера только перед крахом (этот стереотип был распространен еще в советское время). Эксперт же не может не подойти к этим событиям столь однозначно: были, конечно, и приспособленцы, пытавшиеся выйти сухими из воды при любом развитии событий, но были и Гёрделер, ушедший в отставку в знак протеста против сноса штурмовиками памятника «неарийцу» Мендельсону, и Вицлебен, готовивший военный переворот еще осенью 38-го, задолго до Сталинграда и Курска. Не получилось, так как Англия и Франция пошли на сговор с Гитлером в Мюнхене, фюрер стал национальным героем, никакой переворот стал невозможен.

Кроме того, вопрос о характере режима в данном случае является одним из важнейших для определения своего отношения к нему. Как уже отмечалось выше, делать карьеру при тоталитарном режиме, который уничтожает свой и чужие народы, безнравственно. Что же до авторитарного, и тем более полуавторитарного, то здесь все сложнее: есть не только черные и белые, но и большое количество серых оттенков, которых, как правило, большинство. Политик может создавать сугубо «черно-белую» картину, более убедительную для его сторонников, а для эксперта этого явно недостаточно.

Действительно, в нацистской Германии все люди, занимавшие мало-мальски заметное положение в государственных и полугосударственных структурах, могли в любой момент оказаться в положении преступников. Впрочем, слово «могли» не означало фатальной неизбежности: Гёрделер мог оставаться порядочным человеком, являясь до 1937-го обер-бургомистром Лейпцига, Шуленбург — занимая до 1941-го пост посла в СССР (и имея в кармане партийный билет НСДАП!), а Вицлебен — будучи до 1942-го командующим армией. Свою порядочность они подтвердили смертью по приговору нацистского «народного суда» после неудачной попытки покушения на Гитлера. Однако многие действительно вовлекались в преступную деятельность, становясь сообщниками убийц. Солдат мог быть привлечен к уничтожению «расово неполноценных» лиц (если не в качестве непосредственного убийцы, то как пособника — постоять в карауле, например, чтобы евреи не бежали до приезда зондеркоманды); экономист — к подсчету прибылей и издержек от рабского труда; чиновник — к чистке своего ведомства от неблагонадежных элементов; поэт — к воспеванию величия фюрера. При этом прямой отказ от участия в подобных акциях или даже проявление сочувствия к жертвам репрессий были чреваты серьезным неприятностями.

Теперь сравним нацистскую Германию с современной Россией. Где инициированная государством дискриминация отдельных групп населения? Где тотальный запрет на оппозиционную деятельность? Где сколько-нибудь серьезные попытки внедрить в общество официальную идеологию? Где аналоги СС и гестапо? Где внешняя политика, направленная на захват соседних государств? Если рассуждать спокойно, а не апеллировать к эмоциям людей, то становится ясно, что речь идет о совершенно разных политических системах. С одной сто-

роны, свирепый тоталитаризм, природа которого была ясна еще до холокоста, который стал закономерным завершением его эволюции. С другой — даже не классический пиночетовский авторитаризм, а «промежуточный» полуавторитарный режим, «управляемая демократия», к которой может быть масса претензий, но сравнивать ее с тоталитаризмом крайне некорректно. Равно как у людей, работающих в рамках полуавторитарного режима, есть немало возможностей для того, чтобы менять его в лучшую сторону, реализуя в том числе вполне либеральные меры.

Понимая всю сложность сравнений, я бы напомнил о малоизвестном в России опыте франкистской Испании, которая в 1960-е годы была авторитарным государством; от современной полуавторитарной России ее отличали, в частности, отсутствие многопартийности и значительно более жесткий контроль над СМИ. В 1962 году министром информации и туризма в этой стране стал Мануэль Фрага Ирибарне, разумеется, член франкистской партии, успешно делавший карьеру в рамках режима. За семь лет руководства министерством он превратил Испанию в туристическую страну, значительно более открытую для внешних либеральных влияний. Кроме того, он добился принятия в 1966 году Закона о печати, который сделал несколько более свободной испанскую прессу.

Как оценивать итоги его деятельности? Многие критики режима относились к нему с явной неприязнью — ведь он много работал над улучшением имиджа авторитарного режима (иначе не удалось бы привлечь в страну туристов из европейских демократий), а отмена предварительной цензуры не лишила государство массы других рычагов по обузданию неугодных журналистов. Они считали, что Фрага лицемерно стремится продлить существование франкизма, не меняя его диктаторской сущности, и этим даже более опасен, чем одиозные представители репрессивных структур. При этом определенные основания для таких оценок были: например, Фрага как чиновник высшего эшелона должен был оправдывать весьма одиозные деяния режима вроде казни в 1963 году коммуниста Хулиана Гримау (в его память названа московская улица), о помиловании которого просили Хрущев, Елизавета II и представители высшей иерархии Ватикана.

Однако история показала принципиальную ошибочность подобных суждений и оценила позитивную роль Фраги как в деле либерализации франкистского режима, так и в ходе демократического процесса 70–80-х годов, когда он сыграл ключевую роль в процессе адаптации бывших франкистов к ценностям политической свободы, создав консервативную Народную партию, почетным председателем которой остается до сих пор.

Еще один важный момент — характеристика эволюции режима. Для оппозиционного политика режим всегда эволюционирует в негативную сторону, деградирует, совершает массу ошибок. В пределе, конечно, он может превратиться и в тоталитарный. Факты, противоречащие этой «железной закономерности», отвергаются, что вполне понятно с политической точки зрения. Если рассмотреть ситуацию в

современной России, то действительно можно найти массу доказательств роста авторитарных тенденций в политической сфере и «огосударствления» экономики. Но доходят ли они до уровня, за которым начинается безусловный авторитаризм, не говоря уже о тоталитаризме? Разумеется, нет — в отличие от франкистской Испании или пиночетовского Чили существует многопартийность (пусть и ограниченная), отменять которую никто не намеревается. Попытки выработать единую идеологию также, мягко говоря, выглядят не слишком убедительно.

Отметим также, что общий вектор развития государства лучше видится на расстоянии. Вряд ли испанские оппозиционеры франкистскому режиму считали, что их страна поступательно развивается в направлении либерализации после очередного приведения в исполнение смертного приговора или назначения премьером сторонника жесткой линии на сохранение репрессивной системы Наварро, как это произошло в 1973 году, за пару лет до кончины Франко. Равно как и сейчас российская радикальная оппозиция не придает особого значения фактам, которые противоречат общей удручающей картине, например, сворачиванию деятельности российских «хунвейбинов» или возобновлению обсуждения вопроса об избирательной системе. В связи с последним обратим внимание на публикацию в правительственной «Российской газете» статьи Михаила Горбачева о необходимости вернуться к выборам по одномандатным округам и к прямому избранию губернаторов. Вряд ли стоит предаваться завышенным ожиданиям, но сам факт такой публикации в подобном издании свидетельствует о том, что не все в этой сфере решено до конца и в ней возможны эволюционные изменения. Отметим и неудачную попытку закрытия Европейского университета в Петербурге, и дело «яблочника» Максима Резника (арест, а затем освобождение под подписку о невыезде после активных протестов со стороны оппозиции).

На первый взгляд кажется, что речь идет о не слишком значимых событиях. Но приведу «франкистскую» аналогию (она примечательна, даже при всем различии авторитарных и полуавторитарных режимов). В 1969 году вновь назначенный министр — генеральный секретарь Национального движения («фаланги») Торкуато Фернандес-Миранда пришел в свое ведомство не в голубой (традиционно фалангистской), а в нейтральной белой рубашке. Тогда оппозиция расценила это событие как незначущую мимикрию режима, хотя спустя некоторое время выяснилось, что оно стало одним из символических этапов «угасания» франкистской партии, той самой либерализации режима, о котором сейчас — с немалого исторического расстояния — много и справедливо написано.

И в заключение приведу еще одну небольшую аналогию. Представляется, что эксперта можно сравнить с врачом, объективистский диагноз которого может оказаться недостаточно приятным для пациента (то есть для его аудитории). Но это уже не проблема эксперта, который должен стараться быть объективным, вне зависимости от своих политических симпатий или антипатий.





*Тоби Гати родилась в Нью-Йорке, в Бруклине. Став бакалавром в Пенсильванском университете в Филадельфии, степень магистра она получила в Колумбийском университете в Нью-Йорке, окончив его по двум специальностям: международным отношениям и русскому языку и литературе. В 1976–1989 годах работала в ведущих американских новостных агентствах; именно в этот период она приобрела репутацию одного из лучших в США знатоков проблем Советского Союза. В 1989–1993 годах Тоби Гати была ответственным сотрудником американской Ассоциации содействия ООН; именно отсюда в 1993 году ее пригласили на работу в администрацию Президента США. В 1997 году она ушла в бизнес, и сегодня является старшим консультантом по международным вопросам известной юридической фирмы «Akin Gump Strauss Hauer & Feld*

*LLP». В круг ее обязанностей входит оказание юридической поддержки транснациональному бизнесу в странах СНГ. Она заслуженно остается одним из ведущих американских экспертов по России. Тоби Гати — член международного Попечительского совета Московской школы политических исследований.*

*Ниже мы публикуем с небольшими сокращениями интервью Тоби Гати, которое было опубликовано в журнале «Международные процессы» (сентябрь — декабрь 2007). Вопросы задавал член редколлегии журнала М.А. Троицкий.*

## **О государственной службе, политике и бизнесе: взгляд из Америки**

**Михаил Троицкий.** За годы Вашей карьеры Вы перешли из неправительственной организации на государственную службу, а затем переместились в частный сектор. Как Вы оцениваете взаимодействие политической власти и деловых кругов? Склонны ли Вы сегодня критиковать власть за негибкость в отношении бизнеса или бизнес за нежелание (неумение) учитывать ожидания власти?

**Тоби Гати.** За время своей карьеры я сменила три разных сферы. Когда я работала в неправительственной организации в Нью-Йорке, мы часто привлекали бизнесменов для обсуждения внешней политики США. Я всегда положительно относилась к участию деловых кругов во внешнеполитическом процессе... Работая в правительственных органах, я тоже часто встречалась с деловыми людьми. Обычно именно

от них поступали предложения о встрече. Но и мы в Белом доме стремились знать, каковы интересы делового мира, что его представители думают об американской внешней политике и как внешняя политика затрагивает их интересы.

Бизнесмены способны влиять на внешнюю политику косвенно, в процессе обсуждения своих проблем с членами конгресса и представителями исполнительных органов власти. Деловые круги создают группы интересов и лоббистские структуры, которые имеют право, в соответствии с законом, жертвовать деньги на избирательные кампании. Чиновники обращают внимание на мнение бизнеса, но сложность в том, что мнения по одним и тем же вопросам разнятся. Деньги играют роль, хотя избиратели в основном воздействуют на конгресс своими голоса-

ми. Поэтому мы сами побуждали представителей делового мира высказываться по насущным проблемам.

Теперь, работая в частном секторе, я еще чаще встречаюсь с представителями транснационального бизнеса. Это клиенты нашей фирмы.

Прибегающие к нашим услугам бизнесмены хотят знать специфику стран, в которых намереваются работать. Им важно ориентироваться в особенностях правовых систем иностранных государств. Требуется оценить, в какой степени политика правительств соответствующих государств может сказаться на интересах иностранного бизнеса. Подобные озабоченности деловых кругов вполне оправданны — это следует понимать и законодателям стран, для которых важно присутствие иностранного капитала.

Диалог бизнеса и государства — признак здоровья государственной системы. Когда деловые круги имеют право голоса (например, в США), правительству приходится разяснять мотивы проводимой им политики. Оно должно обосновать, что действует в интересах делового сообщества и государства в целом, а не просто помогает какой-то одной компании. Бизнесмены не просто люди, чья цель — заработать как можно больше денег.

Они — граждане своей страны и поэтому желают, чтобы Соединенные Штаты оставались сильным государством, способным защищать их деловые интересы в собственной стране и за ее пределами, а также обеспечить благополучие своих граждан.

**М.Т.** В США успешно функционирует механизм обмена кадрами между частным сектором и сферой государственного управления. Многие видные представители американской элиты преуспели и в бизнесе, и на государственной службе. Яркий пример — семья Бушей. Не могли бы Вы рассказать о том, каким образом в Со-

единенных Штатах обеспечивается беспристрастность государственных служащих — выходцев из делового мира? Что мешает им пользоваться служебным положением в интересах семейного бизнеса?

**Т.Г.** В США приняты весьма строгие законы, регулирующие поведение государственных служащих. Прежде чем поступить на государственную службу, я прошла подробный инструктаж на предмет того, что дозволено, а что — нет. Из этих «курсов по этике» я узнала о существовании множества запретов для госслужащих. Однако регламентировать все и вся невозможно. Да и нельзя бороться с коррупцией при помощи одного только страха перед наказанием за проступок. Если государство слишком увлечется таким способом профилактики коррупции, то достойные люди просто откажутся от перспективы пойти на государственную службу. Вряд ли кому-либо может прийти по душе, что его постоянно подозревают, что за ним следят и стремятся поймать на малейшей оплошности, особенно когда присутствует искреннее желание принести пользу своей стране. Я знаю очень мало чиновников, соблюдающих моральные принципы на службе только из-за страха перед наказанием.

Ограничителем коррупции в США служит сам престиж государственной службы. Предполагается, что люди, занимающие высокие посты, соответствуют тем высоким этическим стандартам, которые были заданы выдающимся американскими политическими деятелями прошлого. Их пример — ориентир для всех сотрудников администрации.

Этика также является дисциплинирующим фактором в других сферах, в том числе и в бизнесе. Если вы не придерживались жестких этических правил в деловом мире, то не сможете вести себя этично и на государственной

службе. Правда, большинству американских предпринимателей, как мне кажется, свойственны высокие этические стандарты. Они не стремятся обойти закон, а напротив, строго следят за законностью своего бизнеса.

Стоит еще сказать о «факторе стыда». В Америке мы называем его «тестом «Вашингтон пост»». Если ты хоть немного сомневаешься в предстоящей сделке, спроси себя, что ты станешь делать, если завтра о твоём поступке напишет «Вашингтон пост». Люди не любят, чтобы об их делишках писали газеты. Если в стране нет традиции журналистских расследований, то многие махинации богатых или влиятельных людей могут сойти им с рук. Вот почему так полезна свободная пресса, в которой нельзя купить хорошие или плохие статьи. Огласки недостойных поступков побаиваются почти все.

Честно говоря, мне даже никогда в голову не приходило использовать служебное положение в личных целях. Кто-то скажет, что за четыре года работы на государственной службе можно упустить выгоды. Я вспоминаю, что сотрудникам администрации, например, не разрешалось обедать или путешествовать за чужой счет, принимать в подарок книги, не говоря о более ценных предметах. В печати публиковались сведения о доходах, которые получали супруги и дети чиновников. Все государственные служащие и сегодня находятся под неусыпным надзором общественности. Хотя все равно, конечно, некоторые использовали и используют служебное положение для личного обогащения...

В условиях открытости и мощного общественного контроля государственный аппарат вынужден сам себя контролировать и давать соответствующие объяснения. Правительство поясняет

свои цели гражданам — бизнесменам или представителям других сфер. Оно стремится постоянно совершенствовать политику таким образом, чтобы она служила интересам не только предпринимателей, но и других групп населения.

Нередко говорят, что бизнес дурно влияет на государство. Такое случается, если механизмы влияния скрыты от общества, являются неписаными. Но если в государстве все группы бизнеса могут свободно заявлять о своих претензиях, то ущемить интересы кого-то одного трудно: все оказываются причастными к процессу выработки политики. Слово «лоббизм» стало почти ругательным. Им называют действия, идущие во вред интересам страны. Однако не понятно, каким образом государство может быть сильным, если в нем нет мощного, независимого делового сообщества. Другой фактор — наличие независимой судебной системы, роль которой — выступать арбитром.

Если ты «политический назначенец», то есть не профессиональный чиновник, желающий оставаться всю жизнь на государственной службе, то работать во власти непросто. Думаю, очень хорошо, что люди имеют возможность «мигрировать» из бизнеса во власть, и наоборот. Трудно всю жизнь работать в обстановке стресса, обычного для высоких государственных должностей. Ненормированный рабочий день, тяжкий груз ответственности за решение важнейших вопросов — лучше всего с такими проблемами бороться посредством ограничения сроков пребывания чиновников на своих должностях. Это позволяет принимать на государственную службу носителей новых идей. А они нужны любому правительству...

В сфере власти сталкиваются различные интересы (и разные политические партии), и чиновнику всегда приходится их учитывать. Политика нико-

гда полностью не определяется интересами какой-то одной группы. Для успеха в политике надо уметь соответствовать запросам разных людей и разных групп. Бизнесменам не стоит надеяться на то, что в сфере государственной службы им будет легко сохранять свои привычки и осуществлять честолюбивые замыслы. Мне случалось видеть, сколь плачевно заканчивались иногда подобные попытки.

Главное — использовать свои профессиональные навыки там, где они действительно могут пригодиться. Бизнесмены нередко привносят во власть свежую струю, по-новому подходят к решению старых проблем. Но опытные государственные служащие, профессиональные бюрократы тоже нужны. Они понимают необходимость учитывать в политике не только запросы американских избирателей, но и интересы других стран.

**М.Т.** Похожа ли деятельность по налаживанию американо-российских контактов в сфере бизнеса на работу дипломата?

**Т.Г.** Бизнес может дать миру политике много полезного. По природе бизнесмен — оптимист. Ему свойственны уверенность в собственных силах и новаторский подход к решению проблем. Деловые люди обычно склонны думать, что смогут преодолеть сложности, обеспечить улучшение качества жизни, найти путь к процветанию. Политики в целом думают схожим образом, но им приходится работать в иной среде. Они должны думать не только о благоприятных, но и о неблагоприятных сценариях. Худший сценарий для дипломата и бизнесмена далеко не одно и то же. Для второго таким может оказаться уход из бизнеса. Для первого — международный конфликт и даже война. Политикам

всегда нужно думать об угрозе кризиса. Ведь бизнесмены, которые только и делают, что говорят о ненужности правительств, при всяком кризисе бегут к своему правительству с просьбой о помощи. Очевидно, что отношения

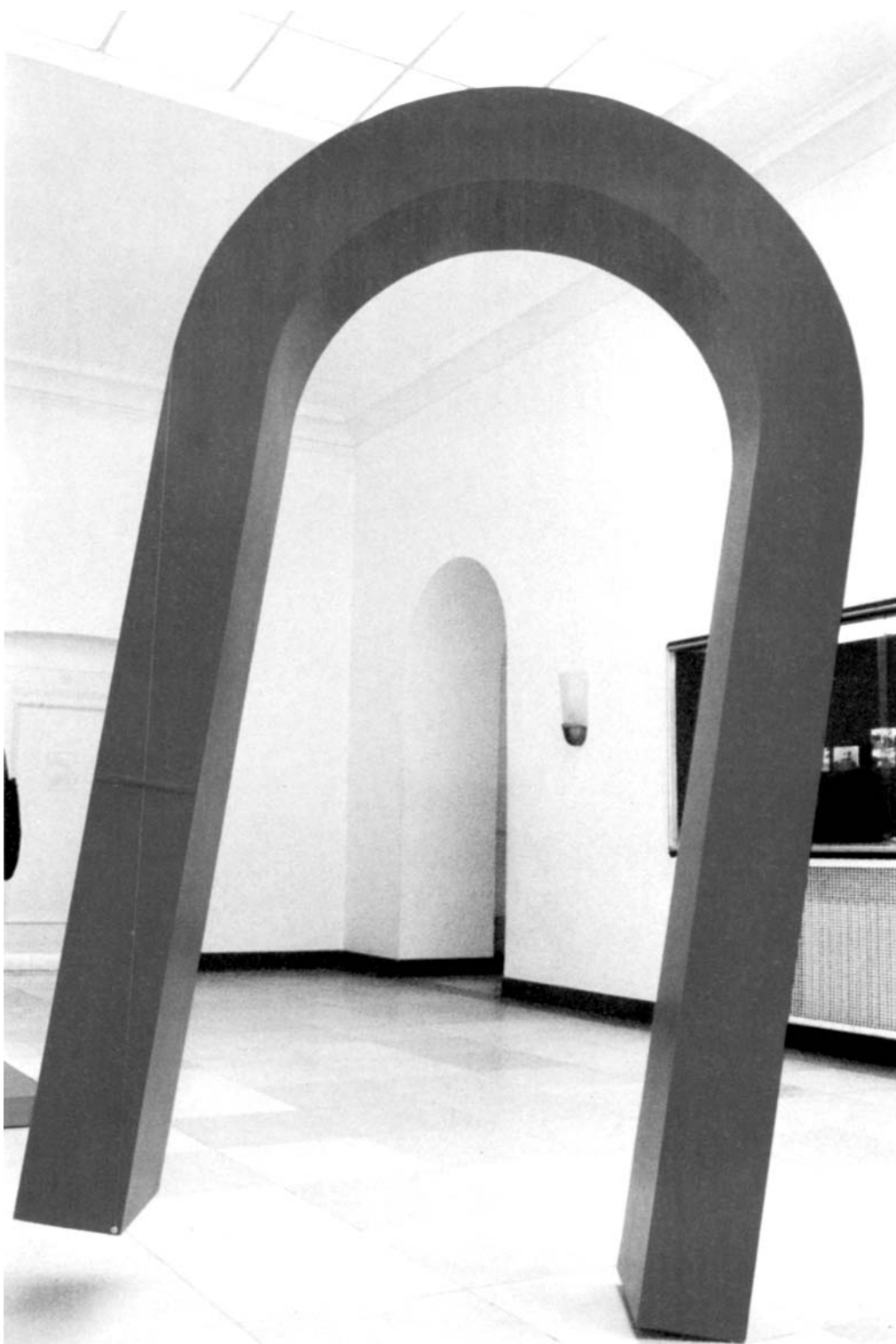
*Если в стране нет традиции журналистских расследований, то многие махинации богатых или влиятельных людей могут сойти им с рук*

бизнеса с государством довольно сложны.

**М.Т.** Правда ли, что деловые круги России и США налаживают сотрудничество успешнее политиков?

**Т.Г.** Американские политические и деловые круги неодинаково смотрят на Россию. Бизнесмены чувствуют, что в России хорошие возможности для извлечения прибыли. Их не особенно волнует политическая ситуация, хотя именно она вызывает озабоченность у американских политиков. Люди бизнеса привыкли вести дела в странах разного типа. Они работают как в демократических, так и в недемократических государствах и умеют хорошо адаптироваться практически к любой ситуации.

Американские предприниматели хотят предсказуемости и прозрачности деловой среды в России. Они хотят вступления России в ВТО, что, по их мнению, благоприятно отразится на российско-американских экономических отношениях. Они выступают за укрепление в России верховенства закона, независимых судебных органов, структур гражданского общества. В их интересах функционирование ответственной исполнительной власти, поскольку все это способствует большей предсказуемости и улучшает жизнь людей и состояние бизнеса. Политики же склонны концентрироваться на



Моника фон Ведель. Без названия. 1988

безопасности, где у России и США остается много расхождений, хотя есть и немало общих интересов. Чиновники озабочены проблематикой переговоров на высоком уровне — вроде повестки дня «Группы восьми». К сожалению, деловые люди и политики не всегда дают понять, что существует связь между более открытым, предсказуемым обществом и деловым успехом.

**М.Т.** Скажите, а не становится больше бизнесменов, заинтересованных в новых российско-американских деловых проектах?

**Т.Г.** Многие американские компании не работают в России просто потому, что никогда об этом всерьез не задумывались. Но есть и такие, которые изучили российский рынок и приняли решение не выходить на него, сочтя такое предприятие слишком рискованным. Свою роль сыграли разговоры о том, как мало российские власти считаются с интересами предпринимателей, о вмешательстве политических соображений в законы бизнеса, о коррупции. У наблюдателя рождается впечатление, что для бизнеса в России еще не пришло время. Негативный опыт столкновения с российской властью бизнесом не афишируется. Его обсуждают в кулуарах. Предприниматели не хотят, чтобы об их трудностях узнали конкуренты. Да и свои проблемы им легче урегулировать без лишней огласки.

Прежде всего пугает отношение к бизнесу со стороны властей, включая таможенные, налоговые и правоохранительные органы. Мне кажется, что главные препятствия на пути увеличения потока иностранных инвестиций в Россию лежат в сфере взаимоотношений иностранного бизнеса с властью. Достаточно взглянуть на масштаб американо-китайских деловых связей,

чтобы понять, насколько велик потенциал активности американского бизнеса за пределами США. В России есть немало привлекательных для американцев проектов. Да и американский рынок интересен российскому

*Главные препятствия на пути увеличения потока иностранных инвестиций в Россию лежат в сфере взаимоотношений иностранного бизнеса с властью*

бизнес-сообществу. Обеим сторонам есть над чем подумать. Кроме того, и России, и США приходится иметь дело с воздействием глобализации на их экономики.

**М.Т.** Какие области, по-Вашему, наиболее перспективны с точки зрения взаимных инвестиций?

**Т.Г.** Россия и США имеют огромный потенциал партнерства в энергетике. Он, к сожалению, пока не соответствует масштабам начатого несколько лет назад энергетического диалога и многих совместных проектов. На протяжении ряда лет в российском энергетическом секторе шли процессы реструктуризации, которые его существенно преобразили. Большие компании могли сыграть важную роль в налаживании сотрудничества с США. После ареста М. Ходорковского в 2003 году динамика российско-американского энергетического диалога значительно понизилась. Однако объективно сохраняется обоюдная заинтересованность России и США в энергетическом партнерстве друг с другом...

**М.Т.** Возможно ли развитие российско-американских экономических связей до уровня, сопоставимого с экономическим обменом между Россией и странами Европейского союза?

**Т.Г.** Не думаю, что уместно сравнивать уровень торговли России с ЕС и с Соединенными Штатами. Отношения с

соседями обычно теснее, чем с отдаленными странами. К соседям проще ездить и им легче поставлять товары. Соседям проще найти общий подход к правилам поведения на рынке. Правда, проблемы отношений России с ЕС показывают, что соседство не гарантирует высокий уровень отношений. Между Евросоюзом и Россией достаточно политических и экономических сложностей. Более интенсивное развитие российско-американских экономических отношений — одна из упущенных возможностей 1990-х годов. Прочное деловое партнерство могло бы помочь сгладить политические противоречия. Сегодня шаги в этом направлении можно только приветствовать.

**М.Т.** Все больше квалифицированных менеджеров — выходцев из России, на протяжении ряда лет обучавшихся или работавших в странах Запада, принимают решение вернуться в Россию. Влияет ли это на практику ведения бизнеса в России?

**Т.Г.** Хорошо, что все больше россиян работают в западных компаниях и затем возвращаются в Россию. С одной стороны, наличие российских сотрудников в западных компаниях позволяет избавиться от ряда стереотипных представлений о России. К примеру, о том, что большинство россиян стремятся навсегда покинуть свою страну, равно как и о том, что их менталитет так сильно отличается от западного, что Россия никогда не сможет построить демократию и рыночную экономику.

С другой стороны, работая в западных структурах, российские менеджеры лучше понимают западные способы ведения бизнеса. Они видят не только, что и как делается в западной компании, но и почему это происходит. Некоторые западные нормы и практики переносятся на российскую почву, что само по себе не плохо. В юридической фирме, где работаю я, много сотрудников россиян. Некоторые из них яв-

ляются полноценными партнерами фирмы. Они талантливы и входят в число наших лучших юристов. Если они захотят перейти на работу в российскую компанию, это принесет пользу России и российско-американским экономическим связям.

**М.Т.** Происходит ли сегодня, на Ваш взгляд, сближение российской деловой культуры с американской?

**Т.Г.** Я уверена, что российская деловая культура сближается с западной. Сближение будет продолжаться до тех пор, пока в России сохраняются возможности для карьерного роста людей, желающих обеспечить характерный для Запада уровень открытости и прозрачности. Было бы трагедией, если навыки, приобретенные россиянами на Западе, остались бы без применения на российском рынке. Современный бизнес глобален. Его прозрачность и открытость благотворны не только для самого бизнеса, но для стран его происхождения — будь то Америка или Россия.

**М.Т.** Некоторые полагают, что Соединенные Штаты стоят на пороге краха — внешнеполитического и финансового.

**Т.Г.** Америка сталкивается с серьезными экономическими проблемами. Многие признают их тяжесть. С такими проблемами сложно начать бороться, пока не наступит кризис. В демократическом обществе требуется консенсус относительно не только оценки степени серьезности проблемы, но и того, как ее решать. Без подобного консенсуса руководство не может приступить к решительным действиям. Между тем я не стала бы преувеличивать сегодняшние проблемы США. Соединенные Штаты обладают огромной диверсифицированной экономикой, а американское руководство, когда это действительно необходимо, способно проявлять известную изобретательность.

Иногда телевидение в России подает дело так, будто российская и американская экономики участвуют в некотором соревновании, в котором побеждает Россия, поскольку рубль укрепляется, а российские золотовалютные резервы растут, в то время как американский доллар ослабевает, а США страдают от крупного дефицита торгового баланса. Подобные рассуждения, возможно, радуют кого-то из политиков. Но экономическую силу стоит оценивать конкретно.

Истинный критерий прочности национальной экономики — ее способность справляться с регулярно возникающими трудностями роста, особенно в такие непростые времена, как сегодня. Возможно, американская экономика стоит перед испытаниями в виде бюджетного дефицита или кризиса на рынке ипотеки. Но и российскую экономику впереди ожидает неизбежный «момент истины».

Дадут о себе знать инфляция, необходимость предоставлять гражданам жилье по доступным ценам, перебои с качественным медицинским обслуживанием. Придется решать демографические проблемы, финансировать модернизацию инфраструктуры. Как у нас говорят: «Легко выглядеть умным, когда нефть стоит сто долларов за баррель»...

**М.Т.** Мне доводилось слышать полушуточные прогнозы о том, что американские спортсмены могут бойкотировать Зимние олимпийские игры в Сочи в 2014 году.

**Т.Г.** Короткий ответ на вопрос о возможности бойкота — нет. Не вижу никаких причин или смысла бойкотировать Олимпийские игры в Сочи. Вообще, мне не нравится, когда одной из сторон пытаются приписать намерения нанести ущерб другой стороне.

Обе наши страны должны быть заинтересованы в стабильности международной системы.

Некоторые политические лидеры и в США, и в России полагают, что могут поднять свою популярность, играя на

*Заметную помощь политикам могут оказывать не только деловые круги, но и неправительственные организации, заинтересованные в строительстве прочного гражданского общества*

образе врага. Однако, на мой взгляд, это контрпродуктивно. Мы слишком зависим друг от друга во многих сферах, нравится нам это или нет. Мы взаимозависимы благодаря нашей заинтересованности не только в экономическом взаимодействии, но и в стабильном мировом порядке, успешном решении проблем XXI века, включая борьбу с терроризмом и распространением оружия массового поражения. Нас объединяет желание обеспечить лучшие условия существования для наших народов.

Бизнес обязан участвовать в политическом процессе, четко заявлять о своих интересах и работать на потепление политического климата и в своих странах, и в российско-американских отношениях. Заметную помощь политикам могут оказывать не только деловые круги, но и неправительственные организации, заинтересованные в строительстве прочного гражданского общества. Российскому бизнесу стоит поддерживать независимые неправительственные организации, которые содействуют развитию гражданского общества. Свой вклад могут также вносить граждане обеих стран, создающие взаимозависимость современного мира, важнейшей составляющей которого выступают тесные отношения между Россией и США.



## Институты

### Понятие «институты» в современной политической науке

Один из популярных в России политологических учебников определяет институт как «совокупность фундаментальных форм или структур общественной организации, установленных законом или обычаями конкретного человеческого общества»\*. На наш взгляд, в типовых дефинициях подобного рода имеет место серьезная методологическая проблема: политический институт предстает одновременно и как организация, и как набор установлений, согласно которым она функционирует. Соответственно, специалисты нередко интерпретируют институты, предпочитая однозначность и игнорируя конкурирующие трактовки. Если, например, для одних авторов политические институты есть совокупность учреждений, «которые формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или существующих в нем групп», то для других институт — это «свод установлений и правил, обеспечивающих правильное и предсказуемое поведение»\*\*.

Наиболее весомый вклад в понимание природы институтов и процесса институционального развития внес лауреат Нобелевской премии в области экономики Дуглас Норт (р. 1920), который в своей работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (1990) определил институты как «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»\*\*\*. Согласно этому автору, институты задают структуру побудительных мотивов человеческого поведения — в экономике, политике, социальной сфере. Их определяющая функция заключается в том, что они упорядочивают жизнь, определяя и ограничивая набор альтернатив, которые имеются у каждого человека, и тем самым *снижая риски*. «Институты существуют для уменьшения неопределенностей, сопровождающих взаимодействие между людьми», — говорит Норт\*\*\*\*. При этом он проводит принципиальное различие между институтами и организациями. Подобно первым, вторые тоже структурируют взаимоотношения между людьми. Однако если институты являются *правилами* в «игре», то организации — это сами *игроки*. Иными словами, всякая организация есть «группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели»\*. Роль таких групп в том, что именно они реализуют и воплощают институциональные установления и правила.

\* Мельвиль А.Ю. (ред.). *Категории политической науки*. М.: РОССПЭН, 2002. С. 261.

\*\* См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. Учебное пособие*. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 38; Хейвуд Э. *Политология*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 19.

\*\*\* Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17.

\*\*\*\* Там же. С. 43.

Разграничение институтов, понимаемых как «правила игры», и организаций, функционирование которых задается этими правилами, вообще стало отличительной особенностью *неоинституционализма* — теоретического направления, сформировавшегося и популярного в последней четверти XX века, к которому принадлежит и сам Норт. Именно в данный период появилось множество работ, в которых функционирование и роль институтов изучались с помощью положений макроэкономики и теории игр. По мнению неоинституционалистов, оба феномена — институты и организации — структурируют социальную жизнь. Они тесно взаимосвязаны, что формирует превратное представление об их единстве, но в конечном счете нормативные установления все-таки обладают приоритетом по отношению к политическим организациям.

### Политические институты и институциональный анализ

Применяя понятие института к сфере политики, можно сказать, что политические институты представляют собой разновидность устойчивого социального взаимодействия, регулирующего отношения, которые складываются в обществе по поводу политической власти. Устойчивость политического института обеспечивается с помощью связанных с ним норм, санкций и привычек — атрибутов института, которые делают его объективным и самовоспроизводящимся целым, не зависящим от воли и желания отдельных индивидов. Вместе с тем о полном его отчуждении от людей в данном контексте говорить нельзя, ибо политические институты существуют *только* в действиях людей, воспроизводящих между собой соответствующий тип отношений. При таком подходе коллективные ассоциации с политическими целями и функциями будут выступать в роли субъектов политики — акторов, контролирующих власть или стремящихся к контролю над ней. Иными словами, если выборы являются политическим институтом, то партии выступают их субъектами, и это различные, хотя и взаимосвязанные политические феномены.

Вплоть до начала прошлого столетия концентрированным выражением понятия «политический институт» выступало государство, в котором видели прежде всего административные установления и правовые нормы. Основы такого подхода к институтам, получившего название *нормативно-юридического*, были заложены Томасом Гоббсом (1588–1679). В его рамках институциональное значение приобретали лишь те регулятивные механизмы, которые так или иначе были санкционированы государством, располагающим суверенитетом, — властью абсолютной и принудительной. Однако на рубеже XIX и XX веков в работах Эмиля Дюркгейма (1858–1917) и Макса Вебера (1864–1920) начало складываться альтернативное понимание политических институтов.

Этот подход, называемый *социологическим*, обогатил предшествующие трактовки сразу в нескольких отношениях. Во-первых, под «институтами» здесь имеется в виду не только практическое оформление политических взаимоотношений, но и их идеальный образ. Например, по

Дюркгейму, представление о том, как должно работать государство, фиксируется в юридических нормах и одновременно в мифологических представлениях и религиозных верованиях. Вебер, в свою очередь, полагал, что легитимность политического порядка гарантируется как правом, так и господствующей в обществе условностью. Во вторых, соответственно, в числе равноценных политических институтов оказались как формальные, так и неформальные практики. Наконец, в-третьих, политические институты теперь не ограничивались ареалом государства, но включали в себя и те аспекты человеческих взаимоотношений, которые не регулировались государственной властью. Новая программа достигла максимума своего развития в деятельности французского «социального институционализма» в третьей четверти XX века. На смену именно этому направлению пришел неoinституционализм, о котором шла речь в предыдущем разделе.

В рамках упомянутых теорий сложились базовые постулаты институционального анализа как метода постижения политической реальности. Его отправным пунктом можно считать тезис о том, что «политические роли значат гораздо больше, чем люди их выполняющие»\*. Иными словами, положение, занимаемое человеком в политической организации, во многом предопределяет его поведение. Обладая собственной историей, культурой и памятью, политические структуры предлагают вовлеченным в них лицам определенный набор норм и правил, вытекающих из места организации в политической системе и формирующих поведение конкретных персонажей. Согласно Норту, эта диалектика выглядит следующим образом: «Институты создаются людьми. Люди развивают и изменяют институты. В то же время ограничения, накладываемые институтами на человеческий выбор, оказывают влияние на самого индивида»\*\*. При таком подходе политическое развитие того или иного общества можно представить в виде эволюции ключевых для него организаций и учреждений. Соответственно, институциональный анализ не приемлет избыточную персонификацию политики и постановку ее базовых характеристик в жесткую зависимость от персональных особенностей политических деятелей. Более того, непрестанно воспроизводимые попытки социума искать «правильных» лидеров, вместо того чтобы исправлять учреждения, свидетельствуют о непрочности доминирующих в данной системе институциональных устоев и торжестве в ней произвола. Стремление персонифицировать власть свидетельствует прежде всего об институциональной слабости социума.

### Институциональные изменения

Из сказанного видно, что институты должны обеспечивать *устойчивые* взаимоотношения между людьми. «Основополагающей характеристикой институтов является длительность их существования: они

\* Hague R., Harrop M. *Comparative Government and Politics: An Introduction*. 5<sup>th</sup> ed. London: Palgrave, 2001. P. 62.

\*\* Норт Д. Указ. соч. С. 20.



Антонио Кателани. Типология. 1988

не могут быть изменены в одночасье по воле агентов. Это главный принцип всех школ институционального анализа»\*. Вместе с тем это не означает, что они не способны *меняться*. Трансформации претерпевают все институты, как традиционные, так и формальные. Каким же образом происходят институциональные изменения?

Согласно Дугласу Норту, этот процесс обычно носит *инкрементальный* характер, то есть идет постепенно и поступательно, а не спонтанно и судорожно. Указанное обстоятельство объясняется в первую очередь тем, что неформальные ограничения, принимаемые на себя тем или иным обществом, весьма устойчивы. Если формальные правила можно изменить достаточно быстро, приняв новые законодательные решения, то неформальные традиции и обычаи оказываются гораздо менее восприимчивыми по отношению к сознательным человеческим

\* Ротштейн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 167.

усилиям. «Неформальные ограничения, берущие начало в культуре, не могут сразу измениться в виде реакции на изменение формальных правил»\*. Обосновывая такую позицию, Норт вводит специальный термин «эффект блокировки», который отражает блокирующую роль институтов при попытках повлиять на характер социальных изменений, а также указывает на способность общества к сохранению основной траектории социального развития за счет присущей ему институциональной структуры. Таким образом, наличие данного эффекта означает, что, несмотря на непредсказуемость эволюции конкретного общества в краткосрочной перспективе, долгосрочный характер социальных изменений вполне можно предвидеть со значительной долей вероятности. Для этого, правда, необходимо знать о его институциональных особенностях и разбираться в специфике институтов\*\*.

Исходя из преемственности институтов и их способности к самовосстановлению, неоинституционализм пересматривает привычную трактовку революций, сложившуюся в эпоху модерна. Именно в его русле в последние десятилетия XX века оформилась гипотеза *path dependence* (зависимость от пройденного пути, *англ.*), согласно которой траектории общественного развития довольно жестко predeterminedены предшествующей жизнью общества, точнее говоря, его институциональными устоями и обычностями. Принимая эту предпосылку, необходимо соглашаться и с тем, что институты не должны, по возможности, меняться дискретно; всякая подлинная революция предполагает восстановление исторической преемственности и очищение институциональной структуры социума от чуждых наслоений и заимствований. Хорошим примером, на который обычно ссылаются в этой связи, служат преобразования Мэйдзи, развернувшиеся в Японии в конце 1860-х годов.

Идеи Норта, а также его предшественников и последователей, о характере институциональных изменений крайне важны для объяснения причин удач или поражений демократических транзитов, в ходе которых делается сознательная попытка изменить институты не инкрементально, а, напротив, дискретно. Как известно, в процессе перехода к демократии обычно выделяют три стадии — либерализацию, демократизацию и консолидацию. Центральной выступает вторая из этих стадий, суть которой состоит в *институционализации*, то есть в выборе и внедрении новых политических институтов. Конечно, в зависимости от сигналов, посылаемых обществом, каждая политическая система выбирает тот набор демократических институтов, который позволит, как предполагается, решить ее основные проблемы. Однако институты, во-первых, создаются человеческими руками и, во-вторых, несут неизбежный отпечаток исторической традиции, поэтому зачастую не соответствуют тем надеждам, которые с ними связываются. Более того, «институты не обязательно — и даже далеко не всегда — создаются для того, чтобы быть социально эффективными;

\* Норт Д. Указ. соч. С. 66.

\*\* См.: Кирдина С.Г. Социальные изменения // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 480–483.

институты, или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»\*.

Иначе говоря, формальное воспроизведение политических субъектов, наличествующих при демократии (партии, парламент, президент, конституционный суд, муниципальное самоуправление), не гарантирует благополучного переноса и последующей устойчивости определенной политической модели. Подобная имплементация должна дополняться усвоением *всей полноты институциональной структуры*, включая столь деликатный аспект социальных отношений, как приверженность большинства членов социума определенному набору сопутствующих демократии ценностей. Огромную роль в этом процессе играют политические элиты. По сути, именно они управляют институционализацией как процессом, посредством которого правила, нормы и процедуры, присущие демократии, приобретают устойчивость и воспринимаются основными субъектами политического процесса как единственно допустимые. По замечанию Норта, организации, вдохновляемые и направляемые элитами, выступают в роли «агентов институциональных изменений», что вновь обнаруживает взаимообусловленность институтов и субъектов политического действия.

#### **Институциональный анализ и Россия**

Политическая и экономическая эволюция нашей страны за последнюю четверть века в полной мере подтверждает основные выводы институционального направления в политической науке.

Во-первых, явный провал демократического транзита и сопутствующих ему проектов — перехода к подлинному федерализму, утверждения независимого суда, становления дееспособного гражданского общества и т.п., — во многом был запрограммирован историческим опытом России, ее неспособностью и неготовностью избавиться от институционального наследия прошлого. Стихийное и непрерывное воспроизведение одного и того же типа властных отношений, характеризуемого патологическим сплавом власти и собственности, поддерживаемым единоличной властью, которая остается, по сути, самодержавной независимо от типа политического режима, влечет за собой параллельное существование *двух управленческих систем*. В первой из них представлены институты в том смысле слова, какой и является единственно верным: это более или менее стабильные и более или менее соблюдаемые правила социальных взаимоотношений, которые, собственно, и позволяют пока именовать Россию демократической и рыночной страной. Но одновременно наличествует еще одна, неформализованная система управления, всецело базирующаяся на доминировании на политической арене узкого круга акторов\*\*. Она, разумеется, блокирует вызрева-

\* Норт Д. Указ. соч. С. 33.

\*\* См.: Пивоваров Ю. *Полная гибель всерьез: избранные работы*. — М.: РОССПЭН, 2004.

ние институтов, которые в потенции могли бы ее ограничить или даже упразднить.

Во-вторых, отечественный опыт подтверждает тезис о том, что проведение институциональных преобразований не инкрементальным, но спонтанным образом негативно сказывается на развитии социума, на долгие десятилетия лишая его прочных и эффективных институтов. По степени и глубине разрушения социальной ткани русская революция 1917 года не имела прецедентов в истории. Более того, в силу принципа *path dependence* она и сегодня, по прошествии без малого ста лет, продолжает предопределять многие аспекты политического, социального и даже экономического развития России. О том, что выстроенная большевиками и их последователями система поведенческих и ценностных норм, принципов, установок жива и поныне, свидетельствует весьма лояльное отношение преобладающей части нынешних россиян к сталинской и в более широком смысле к советской эпохе. Институциональная преемственность между коммунистической и посткоммунистической Россией столь же наглядно прослеживается и в функционировании государственно-бюрократического аппарата в нашей стране, неизменно отдающего государству и государственным интересам приоритет над правами и свободами отдельной личности.

В-третьих, формирование политических институтов сообразно интересам ограниченного круга акторов существенно сузило и обеднило институциональное пространство. Правила «политической игры», которые были заданы Конституцией 1993 года, разработанной и адаптированной под запросы одного, пусть и достаточно сильного политического актора, отнюдь не были равнодействующей интересов наиболее значимых социальных и политических групп. Отсутствие в институциональной ткани широкого консенсуса снижает эффективность институтов и повышает риски внутренней нестабильности системы.

*Ирина Бусыгина,  
Андрей Захаров*

#### ЛИТЕРАТУРА

*Капелюшников Р.* Неинституционализм // Отечественные записки. 2004. № 6 (21). С. 82–87.

*Новый общественно-политический словарь.* М.: Московская школа политических исследований, 2008. Статьи «Инкрементализм», «Неинституционализм», «Создание и изменение институтов».

*Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. Главы 4–7.

*Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.).* Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

*March J., Olsen J.* Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York: Free Press, 1989.

*Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Actions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

*Scott R.W.* Institutions and Organizations. London: Sage, 1995.

*Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах, а также сведения об авторах.*

---



## БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Новый общественно-политический словарь.** Составление: Лори Буссаге, Софи Жако, Полин Равинэ. Предисловие П. Мюллера. / Пер. с франц. В.И. Божовича.

*Анализ публичной политики приобрел во Франции в последние десятилетия впечатляющий размах. По словам автора предисловия П. Мюллера, эта дисциплина сегодня наверстывает свое отставание в стране. Поэтому возникла потребность в обобщающей работе, предлагающей набор инструментов (терминов и понятий), используемых для анализа публичной политики. Словарь дает представление не только о старых понятиях, таких как администрация, государство, капитализм, экспертиза, группа интересов и т. д., и о современных теоретических и методологических спорах по поводу их содержания и смысла, но и возможность познакомиться с новыми концептами, такими как воздействие информации, европеизация, оценка, новый публичный менеджмент и др. Словарь содержит около 60 терминов и понятий, позволяя составить достаточно полное представление об изменении способа «мыслить государство», то есть понять перемены в сфере организации общественно-политической жизни в странах западной демократии в контексте европеизации, глобализации и изменившихся отношений между администрацией и гражданским обществом. Его авторы — специалисты из разных европейских стран и Северной Америки\*.*

---

\* Выход словаря состоится в сентябре 2008 г.



## ПРЕДИСЛОВИЕ

### **Анализ разных сфер политики как международная дисциплина**

Недавно возникшая дисциплина, *анализ публичной политики*, является среди политических наук наименее “французской”. С самого начала она сформировалась на основе понятий североамериканского происхождения, принятие которых разбило вдребезги французскую традицию изучения административных отношений на основе гражданского права. Огромная заслуга нового подхода состоит в том, что он вскрыл “черный ящик” Государства, сделав предметом исследования содержание программ публичной деятельности, поставив вопрос именно о происхождении рассматриваемых проблем и зарождении принимаемых решений. В то же время он поставил под сомнение понятие “решение” и, следовательно, идею единственного и идентифицируемого лица, “принимающего решение”, вплоть до того, что само существование такого лица оказалось под вопросом. Опираясь на труды по социологии организаций, этот подход также показал, что осуществление правительственных программ, весьма не похожее на спокойную череду мероприятий, осуществляемых *sine ira ac studio*\* согласно веберовской модели, может таить для наших правителей серьезные неожиданности. Все это рисует нам образ правительства и администрации, за уверенностью которых часто скрывается сомнительность способов осуществления выбора решений и ограниченная рациональность действий. С этой точки зрения следует всячески рекомендовать чтение данного труда нашим высшим чиновникам, для которых сегодня анализ публичной политики все еще остается экзотической дисциплиной.

Включенность этого труда в контекст международных исследований выражается также в наличии в нем понятий, которые оказываются в центре академических споров в международных журналах и на международных встречах: вопрос управляемости, неинституциональные подходы, поиски инструментов публичной политики. Наличие среди авторов многих иностранных коллег свидетельствует о такой интернациональной открытости.

### **Перспективный взгляд на французскую специфику**

Установка на включенность в международный научный контекст не мешает данному труду подчеркивать оригинальность определенного числа французских исследований. В отличие от международного мейнстрима, где существенно преобладают подходы, основанные на рациональном выборе, — а такие подходы совершенно необходимо знать во Франции, — мы встречаем в статьях словаря изложение то-

---

\* *Без гнева и пристрастия (лат.).*

чек зрения, менее распространенных в мире и являющихся элементами оригинального вклада французских университетских ученых в изучение публичной деятельности. Так, мы можем сослаться на подходы, выраженные в терминах публичной *контроверзы* (столкновения мнений) и *интерпретации*, дающие иную трактовку отношений между творцами и “адресатами” политических решений, исследований взаимодействия между различными ветвями публичной политики и территориями, контрактных отношений и когнитивных подходов, предлагающих рамки анализа, основанного на интерпретации политик как конструирования того или иного видения мира.

Все эти подходы, разумеется, используются не только во Франции, но здесь они разрабатываются более интенсивно, и словарь открывает перспективу сопоставления их с взглядами, распространенными в международной литературе. Цель этого труда будет достигнута, если он поможет интеграции французских исследований в международный контекст, особенно благодаря участию молодых ученых, подчеркивая оригинальность исследований, ведущихся в нашей стране.

#### **Установка на теоретическую и методологическую открытость**

Мы переходим, таким образом, к третьей особенности этого словаря. В противоположность многочисленным работам, для которых характерна приверженность к определенной проблематике и определенной школе, составители данного издания предпочли как можно шире открыть двери для разнообразных и даже противоположных подходов (когнитивных, экономических, организационных, социоисторических, социологических, связанных с публичной деятельностью). Это позволяет, по мере возможности, дать реальное представление о нынешнем состоянии живой научной дисциплины, пронизанной разногласиями и спорами. Однако, хотя читатель действительно получит, как было сказано, “набор инструментов” для анализа публичной политики, это не означает, что он найдет здесь инструкцию для понимания деятельности правительств. Он сам должен будет, в каком-то смысле, выбрать свой лагерь, дополняя краткие статьи словаря материалами из приводимой библиографии.

Можно усмотреть связь между этой установкой на открытость и не декларированным, а реально существующим стремлением рассматривать анализ публичных политик не в качестве самоцели и в отрыве от других областей политического знания, но как еще один взгляд на политику и Государство, еще один способ исследовать политический объект, чтобы разобраться в его функционировании. С этой точки зрения книга просто насыщена спорами, иногда очень острыми, но, будем надеяться, плодотворными, которые специалисты по публичной политике ведут со своими коллегами, работающими в сфере представительства и мобилизации в публичном пространстве.

*Пьер Мюллер*

## Советское детство по-английски

*Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991. — New Haven and London: Yale University Press, 2007. — XXII, 714 p.*

О британской исследовательнице Кэтрине Келли в нашей стране заговорили после того, как она несколько лет назад опубликовала книжку, посвященную одному из наиболее трагических персонажей пантеона советской пропаганды — уральскому мальчику Павлику Морозову\*. Неудивительно, что детальное изучение биографии этого странного ребенка, ценившего классовые идеалы выше преданности собственным родителям, поставило перед автором закономерный вопрос: а откуда, собственно, берутся *такие* дети? Попытка ответить на него произвела на свет внушительный том, предлагающий читателю панораму российского детства за целый век — начиная с последних десятилетий царской России и заканчивая крахом Советского Союза. Основное внимание, разумеется, уделяется детству в СССР.

По мнению госпожи Келли, взаимоотношения государства и мира детства в стране Советов всегда были особенными. Советская власть любила подчеркивать, что ее юные граждане счастливы как нигде в мире. Этим была обусловлена уникальность положения детей в социальной системе СССР: гарантом их благополучия выступали не столько родители или общество в целом, сколько само всемогущее государство. А это накладывало специфичный отпечаток на официальные интерпретации детства, поскольку миф о

безбрежном блаженстве и благополучии всех без исключения советских малышей вынуждал видеть в иных вариантах советского детства лишь искажения или извращения этого высокого стандарта (с. 7). Вместе с тем практика советской жизни была богата не просто на иные *интерпретации* реальности, но и таила в себе обширную *иную реальность* — именно в ней жили беспризорные и лагерные дети, дети спецпереселенцев и «врагов народа». Другими словами, далеко не всякое детство в Советском Союзе было безоблачным, несмотря на однозначно признаваемые автором достижения коммунистического режима в медицинском, образовательном, культурном обслуживании юных граждан.

Однако в центре этого повествования — не политика государства в сфере детства и не история институтов, обслуживающих нужды подрастающего поколения. Это, по словам автора, «история повседневной жизни, переживаемой российскими детьми на протяжении XX столетия» (с. 13). Такой установкой, собственно, предопределена и структура книги. Первая часть — «Воображая детство» — задает рамку восприятия детей обществом, представляющую разнообразные репрезентации темы ребенка в досоветской и советской культуре. Во второй, а также в третьей части угол зрения смещается: именно здесь анализируется повседневная жизнь детей как таковая. Причем, углубляясь в этот аспект, Кэтрин Келли посвящает отдельные главы, с одной стороны, беспризорным и безнадзорным детям, а с другой стороны, де-

\* *Kelly C. Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. London: Granta, 2005.*

тям, воспитывавшимся в собственных семьях. Соответственно, вторая часть называется «Дети сами по себе», а третья — «Семейные дети».

Несомненно, британская исследовательница проделала огромную работу. Читая ее внушительную книгу, постоянно запинаешься за мысль о том, что вырасти в России — нелегкое, а иногда и просто мучительное дело. Субъективистские рассуждения, согласно которым любое детство есть счастливое детство, а обесценить его не могут никакие правители или режимы, ни в коем случае не отменяют той объективной истины, что в одних социально-политических контекстах быть маленьким человеком гораздо труднее, чем в других. Положение детей — точнейший индикатор, позволяющий фиксировать степень здоровья или, напротив, недомогания общества. И, кстати, нынешнее состояние этого индикатора по-прежнему вселяет тревогу, во многом проясняемую повествованием Келли.

Россия — страна редкостной культурной, социальной, политической преемственности, мы с тягостным упорством на протяжении столетий воспроизводим одно и то же. И ничто не характеризует эту особенность более наглядно, нежели исследование повседневной жизни людей. Мир детства есть важнейший кусочек повседневности, в котором, как в зеркале, отражаются и свершения социума, и его пороки. Поэтому книжки, подобные рецензируемому фундаментальному исследованию, крайне важны. Это,

## CATRIONA KELLY CHILDREN'S WORLD GROWING UP IN RUSSIA 1890-1991



впрочем, не избавило труд британского исследователя от собственной ложки дегтя, о которой нельзя не упомянуть в рецензии. Работая с источниками, автор порой допускает удивительную небрежность. Путаются имена, географические названия и даты. Искажаются наименования официальных документов. Неточно указываются цитатные ссылки. Сказанное, безусловно, не красит публикацию, библиографический аппарат которой явно претендует на серьезность, составляя более ста страниц. Совокупный эффект подобных «мелочей» состоит в том, что сама ценность проделанной автором огромной и важной работы девальвируется. И это плохо, поскольку о проблемах, поднимаемых в книге, обязательно нужно говорить, говорить сегодня — и чем громче, тем лучше.

*Андрей Захаров*

*Александр Архангельский*

## Контрапункт

### РОССИЯ И МИР

*Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и руководитель авторского коллектива С. А. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. — 444 с.*

Когда разговариваешь с российскими политиками, даже самыми умными, поражает полное совпадение — по крайней мере, в одном пункте. Независимо от личных взглядов, партийных установок, степени приближения к власти или удаления от нее, регионального или столичного происхождения, почти все они зациклены на местном и локальном; их интересует ближайшее в контексте сиюминутного; попытка же поговорить о широкой перспективе, о мире в целом, о человечестве как таковом и о России как части глобального мира натывается на вежливое равнодушие. Да-да, знаем-знаем. Ну-ну, помним-помним. А знаете ли вы, как Вася Пупкин интриговал при утверждении пункта семь подпункта девять, примечание шесть в бюджетном кодексе соседнего района? О! вот это тема для большой дискуссии.

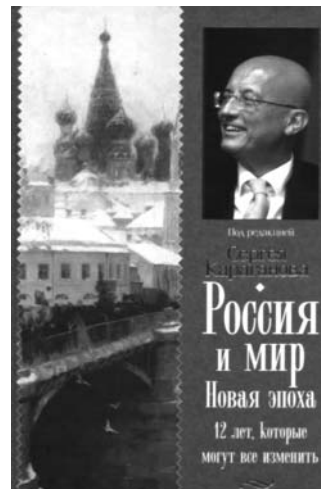
Никогда не забуду массового скепсиса в отношении публичной лекции Генри Киссинджера, пару лет назад организованной Московской школой политических исследований. Симпатичные и очень умные ребята, реально управляющие регионами, заседающие в Думе, владеющие бизнесами и действующие в медиа, с интересом, но вежливо и отстраненно наблюдали за тем, как скептический, однако бодрый старичок подслеповато смотрит на политическую карту мира и рассуждает о вещах абстрактных и чрезмерно общих. Вот здесь намечается... лет через двадцать... надо будет об этом подумать сейчас. «Зачем сейчас? через двадцать и подумаем! Скажите лучше, как решать проблемы грузинского противостояния России, учитывая геополитические особенности Панкисского ущелья». Киссинджер тогда ответил: «Вы знаете, я приехал из страны, где государство Грузия путают со штатом Джорджия; я не знаю, где находится Панкисси, и в чем его особое значение; посмотрите лучше на Китай — я говорю вам, через двадцать лет...».

Так орел высоко взлетает над долиной, и, не различая мелочей, следит за главным: как движется по тонким линиям дорог обоз, где пасутся стада, откуда берется пища. А что это за точка там, внизу: менгрельская она или эстонская, неважно.

В последние годы местечковый взгляд на мир восторжествовал и в российской политической элите. Она не просто различает карликовые образования и объявляет их серьезными врагами, с которыми имеет смысл разбираться по-крупному; она, что гораздо хуже и опасней, мыслит о глобальном мире в индустриальных категориях и в соответствии со своим приземленным взглядом ищет плоские решения объемных и многофигурных задач.

В этом смысле книга «Россия и мир» под редакцией Сергея Караганова слишком хороша и слишком стратегична, чтобы к ее выводам прислушались нынешние российские политики. Скорее уж ее изучат западные политологи и консультанты, доложат своему политическому руководству, которое обдумает грядущие вопросы. Наши же элиты будут двигаться на ощупь, вслед за своим поводырем. А ведь карагановский замысел весьма патриотичен: здесь явлена попытка достучаться до высокого начальства — не для того чтобы получить заслуженные награды, не для того чтобы заработать повышение, а только для того чтобы Россия успешно подготовилась к вызовам наступающего времени, имея преимущества превентивного знания о самой себе и о глобальной реальности, взаимодействующей с нами — и требующей ответного взаимодействия с нею. Не тактических вихляний в зависимости от текущей темы, а долгосрочного планирования и координации настоящего — с будущим.

При этом сам Сергей Караганов, равно как и его единомышленники, отказывается от позитивистской росписи событий по сценариям: «нейтральному», «положительному» и «отрицательному»; просчитывая разные варианты, он исходит из модели *будущего с российским уклоном*; лично для него картина надвигающегося грядущего — вплоть до 20-х годов XXI столетия — не катастрофична, а именно что проблемна. Он использует применительно к политическим, экономическим, военным реалиям (реалиям пока что ирреальным, складывающимся) метод мягкого ситуационного анализа, принятый в консалтинговом бизнесе. И за счет этого перенесения бизнес-приема в пространство политологического анализа получает очевидные преимущества. Во-первых, чтобы провести такой анализ, ты должен видеть жизнь во всех ее ракурсах — сразу. Умеренно-оптимистичные прогнозы развития мировой экономики даны с поправкой на перспективу снижения роста Китая и постепенного усиления Индии, а значит, нужно опасаться «экономической ксенофобии» со стороны ведущих постиндустриальных стран, которые вряд ли вернут себе прежнюю доходность и полноценную динамику развития. Вопрос о судьбе доллара и возможности его жесткой просадки сам собой ведет нас к теме потенциальных военных угроз, связанных с финансовыми кризисами. Судьба Ирана, чье



ядерное саморазвитие вряд ли будет остановлено (мировое сообщество непоправимо запоздало; Америка наносить превентивные удары пока не готова), осмысляется в контексте глобальной гонки вооружений. Но тут не обойдешься без обсуждения американского присутствия в Афганистане, без анализа состояния природных ресурсов и возможностей взаимодействия России и ЕС (в этой сфере авторы прогнозируют «точку роста» после 2011–2013 гг.)...

Вот в таких обстоятельствах и предстоит, видимо, России отыгрывать свои ситуационные преимущества, которые сложились после долгого периода потрясений и неурядиц. Но будут ли ситуационные преимущества преобразованы в цивилизационную неизбежность? Ответ на этот вопрос нужно спрашивать не у дальнозоркого стратега, а у современного российского политика, которому давно пора прописывать очки от близорукости.

## МИР И РОССИЯ

*Даниел Белл, Владислав Иноземцев. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. — 304 с.*

Даниел Белл — один из самых авторитетных американских аналитиков и (осторожно используем этот термин) футурологов старшего поколения. Владислав Иноземцев — один из самых ярких экономико-политических исследователей новой российской генерации. Они познакомились и начали общаться в тот момент, когда Владислав Иноземцев (было ему тогда 29 лет) затеял перевод и издание книги 80-летнего Белла «Грядущее постиндустриальное общество». С 1997-го прошло 11 лет; издатель и автор продолжили общение, результатом чего стала книга-диалог, выпущенная журналом «Свободная мысль» и «Центром исследований постиндустриального общества».

Соавторы (точнее, собеседники) проходят круг за кругом практически весь основной набор ключевых тем мировой политики XXI века — от взаимоотношений Запада и Востока до судьбы религиозных конфликтов и роли идеологий в новом планетарном раскладе; они спокойно и детально обсуждают тему прав человека в контексте мирового порядка. Им не кажется, что разговор о глобализации по определению банален и бессодержателен — они же не бойкие журналисты, чтобы скатиться к штампам, им очевидно, что процесс глобализации бросил вызов именно странам, его породившим, и эти страны начинают болезненно реагировать на перспективу собственного проигрыша. Точно так же судьба демократии в Китае не представляется им очевидной: Иноземцев сомневается, что китайцы медленно движутся навстречу новому, непривычному для них измерению политического самоуправления, скорее они балансируют на опасном краю...

И снова, как в труде «Россия и мир», мы сталкиваемся здесь с предельным уровнем интеллектуального обобщения — притом что методы анализа восходят не к консалтинговым практикам, а к очень давней

традиции актуального философствования. И посылки авторов здесь совершенно иные; да и внутри своего крохотного двухсоставного «коллектива» они вовсе не единомысленны. Главное в данном случае даже не то, что именно говорят соавторы-собеседники, а то, как они видят политическую и экономическую жизнь. А видят они ее не плоско, не одномоментно; всякое явление берется в обширном контексте, футурологическом и историческом. Недаром первая глава открывается соображениями Даниела Белла о моменте возникновения «истории» как общего и подлежащего описанию явления и о том, почему это именно западное изобретение. Но при таком подходе не всякое явление может быть взято в рассмотрение; мелочи, как шелуха, отлетают в сторону, и в центре внимания оказывается только существенное. Иными словами, предельно повышенная планка разговора сама собой превращается в инструмент естественного отбора, иерархическую классификацию явлений и тенденций сегодняшней жизни; то, что уместно обсуждать в рамках глобальной модели, и есть настоящее, а то, что не проходит этого испытания на масштаб, — второстепенно.

Всего лишь одна цитата из рассуждений Даниела Белла — хотя аналогичные мысли можно найти и в репликах Владислава Иноземцева: «В истории крайне важен вопрос о сроках; о том, какой запас времени есть у общества для того, чтобы противостоять разрушительным процессам или приспособиться к ним. ...Поэтому важно помнить: когда мы говорим об упадке, у нас не должно создаваться ощущения определенности и конечного результата. Упадок — это всегда относительное понятие. Он никогда не бывает абсолютным. ...Мне давно уже приходится подчеркивать: делая определенные прогнозы, мы всегда должны говорить лишь о структурных изменениях, но никогда — об отдельных конкретных событиях».

Так что если рассуждение Владислава Иноземцева о резком росте националистической агрессии в успешных и многонациональных российских мегаполисах вписывается в установленные рамки эпохальных тем, не воспринимается как снижение заявленной планки разговора, значит, тенденция эта и впрямь попадает в разряд безусловно-ключевых. Наряду с зависимостью ресурсной экономики от технологических решений, изменяющих структуру спроса на ресурсы. Наряду с перспективами российско-американских отношений. Наряду с проблемой фрагментации мира.

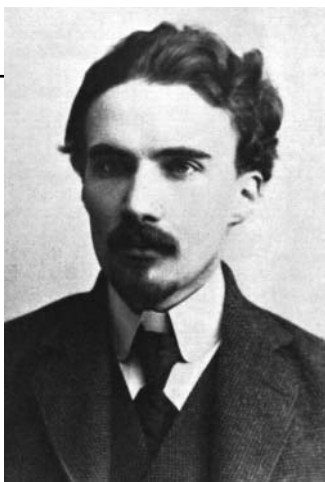
Только так и можно оценить реальную степень той или иной угрозы. Чего никак не хотят понять политики, отечественные и не только, которые заходят в любую проблему (в том числе в проблему торжества скинхедов) не сверху вниз, а снизу вверх. Через мелочи. Через подробности. Они в этих мелочах и подробностях увязают, тонут; проблемы остаются нерешенными; стратегии нереализованными, а перспектива — утраченной.





*В 1940 году находившийся в эмиграции известный русский историк и религиозный мыслитель Георгий Петрович Федотов (1886—1951) опубликовал в парижской газете «Новое время» (№ 76—77) статью под заголовком «Федерация и Россия». Этот небольшой текст интересен своей необычайно живой переключкой с темами, которые волнуют нас сегодня. Столкнувшись с нарастающим натиском тоталитаризма, Европа 1930-х годов вновь и вновь возвращалась к проблеме политического объединения. Сегодня мы знаем, что тогда задуманный и в итоге осуществившийся союз европейских демократий оправдал себя как минимум дважды: в борьбе с Гитлером и, чуть позже, в создании Европейского союза — демократической политики невиданного ранее типа, вобравшей в себя почти весь континент. Между тем, согласно евразийцам, с которыми духовно боролся Федотов и которых, увы, столь много среди нас сейчас, «Россия ни хозяйственно, ни культурно в Европе не нуждается». 1940 год — как раз то время, когда безумец Сталин, к ужасу многих европейских наблюдателей, активно заигрывал с безумцем Гитлером. Это, кстати, тоже был своего рода «европейский выбор» — но выбор в пользу не демократической, а тоталитарной Европы. К счастью для нас, ныне живущих, в 1945 году победила вместе с Советским Союзом другая, демократическая и либеральная Европа. Однако, несмотря на все ее полувековые успехи и многократно подтвержденную историческую, политическую, экономическую состоятельность, наша Родина до сих пор так толком и не решила, готова ли она быть частью европейского целого. Речь, разумеется, не о географии и даже не о культуре, где более или менее все ясно. Геополитический выбор, который совершается Россией сегодня, — это выбор моральный, это предпочтение, отдаваемое одной системе ценностей перед лицом другой системы. Как пишет Федотов: «Загнать в Азию Россию еще никому не удавалось, не удастся это и самим русским, если бы они того захотели».*

Андрей Захаров



*Георгий Федотов*

## *Федерация и Россия*

**Д**олжна ли и может ли предполагаемая федерация народов включить Россию? Самый вопрос этот получает разный смысл, смотря по тому, ставится ли он с точки зрения Запада или России. Для западноевропейца он означает колебание осторожности, старую привычку к постепенности, к умеренным решениям: сначала попробуем объединить Запад, народы своей культуры, прежде чем будем раздвигать границы объединения на Восток. Всемирная федерация — это в плане утопии, европейская — в плане реальности. А Россия — в Европе ли?

С точки зрения русского, этот вопрос означает последнее убежище русского национализма. Объединяйтесь сами, если хотите. Может быть, Европа в самом деле переросла век национальных государств — особенно малых государств. Но Россия сама по себе целый союз народов, по территории — одна шестая света, не Европа, не Азия, а особый, себе довлеющий

мир. Недавняя историософия евразийства приходит на помощь этому националистическому рефлексу, чтобы доказать, что Россия ни хозяйственно, ни культурно в Европе не нуждается.

В противность этому, мы готовы утверждать, что как европейская федерация немыслима без России, так и культурная жизнь России немыслима без Европы.

Для Европы что проку в том, что она, покончив со своими вековыми распрями, разоружится и наладит мирное сожительство своих народов, если на Востоке она будет постоянно видеть перед собой стену штыков (или танков)? Сможет ли она вообще разоружиться, если Россия останется вооруженной? Как будут разрешаться конфликты, возникающие из территориальных, этнографических и стратегических отношений на западной границе России? Пусть Россия не чисто европейская держава. Но она, во всяком случае, и не чисто азиатская. На свое несчастье или счастье, она не имеет ни на Западе, ни на Востоке четких рубежей. Это предопределяет для нее необходимость политически жить в сложном мире как европейских, так и азиатских народов. Ее изоляция невозможна и нелепа. Еще в XVI веке, когда Москва культурно жила за искусственно созданной китайской стеной, политически она должна была войти в круг западных держав: искать дружбы с римским цесарем, с Данией, с Англией — хотя бы для того, чтобы обороняться от ближайших соседей-врагов. Балтийские, польские, даже балканские интересы России принадлежат не к искусственным «империалистическим» наростам на ее политике, а к органическим темам ее истории. Загнать в Азию Россию еще никому не удавалось, не удастся это и самим русским, если бы они то-

го захотели. Оставаясь в Европе и давя на нее всей своей огромной тяжестью, Россия может быть или страшной для нее опасностью, или одним из существенных элементов ее равновесия. С Петра Великого Россия жила общей жизнью с Европой, не раз в критические часы истории — 1813, 1914 годы — помогала спасаться в общей беде. Неужели Ленин мог одним разом переломить тысячелетнюю историю России? Что этого не случилось, доказывает сам его преемник своим неожиданным выходом за западные рубежи. При всей гибельности разбойных приемов Сталина, самое направление его интересов доказывает, что об изоляции России не может быть и речи. Она остается, как была, неразрывно связанной со всем комплексом восточноевропейских политических сил.

Впрочем, можно поставить и другой вопрос: о какой федерации идет речь? О европейской ли? Пока вопрос о федерации ставится чисто теоретически, ее можно ограничивать как угодно: Европой, Западной Европой — и в этом ограничении видеть признак благоразумия. В действительности, идея федерации принадлежит Англии. Но Англия, точнее Британская Империя, это не чисто европейское государство. Ее доминионы и колонии раскинуты по всем частям света. Одной шестой — СССР с его 170 миллионами — она может противопоставить одну четвертую и 450 миллионов. Если большая часть этого политического тела находится вне Европы, можно ли говорить о европейском характере федерации? Но Англия уже сейчас надеется на участие в ней Соединенных Штатов Америки. Лорд Лотиан, британский посланник в Вашингтоне, является одним из творцов этого замысла. Наконец, эта самая Британская Империя в целом ряде то-



*Лизетт Модел. Отражение. Нью-Йорк. 1950*

чек соприкасается, географически или политически, с азиатскими владениями России: на Дальнем Востоке, в Афганистане, в Персии, на Черном море. Здесь находится источник бесконечных конфликтов — или основа для договорных отношений. Как показал опыт русско-английского сближения

при императоре Николае II, интересы двух мировых Империй не могут быть признаны непримиримыми. Англия будет договариваться с Россией в Азии, как она будет договариваться с ней же (в союзе с Францией) в делах Восточной Европы. Но время простых разговоров прошло, как проходит и

время вооруженных угроз. Наступает эпоха правового творчества, то есть властно обязывающих решений. Россия необходима для организации мира почти в такой же степени, как и Британская Империя.

Но нужна ли самой России организация мира, нужна ли России Европа? Россия сейчас в ссоре с Европой. И не Сталин, конечно, первый рассорил их. В Сталине эта ненависть к Европе лишь созрела до дьявольского

замысла: разжечь мировую войну, чтобы на пепелище Европы, среди пустынь былой христианской цивилизации, построить могущество русского красного царства. Но ссора началась задолго до Сталина и даже независимо от коммунизма. Ведь и коммунизм является, или являлся, гримасой русского европеизма, искажением русской боли за Европу. Ссора восходит к 1917 году и питается горечью русских унижений. Русское национальное чувство было уязвлено глубоко поражением, разделом, падением России и, не желая взять на себя ответственность, не имея мужества покаяния, стало искать виновника вне себя — на Западе, недавно еще связанном с Россией круговой порукой войны. Это извращение русской боли за Россию одним из первых выразил Блок в своих «Скифах», чудесные стихи которых должны были подсластить измену — не Западу, а самой русской идее: славянской, христианской, культурной традиции России. С тех пор русское скифство гуляет по ту и другую сторону рубежа. Оно совершенно подобно тому отречению от Европы, которое, на почве того же унижения и бессильной злобы, совершили две дочери уже западной (римской) Европы: Италия и Германия. В свете этих скифских настроений мно-

гим казалось, что Россия может жить как Россия и пережив Европу и что ей вообще незачем связывать свое будущее с обреченным миром.

Безумное ослепление, самоубийственная мысль!

*Оставаясь в Европе и давая на нее всей своей огромной тяжестью, Россия может быть или страшной для нее опасностью, или одним из существенных элементов ее равновесия*

Автаркия России может быть оправдываемая, на худой конец, лишь экономически. Подобно Соединенным Штатам, российский материк представляет условия, почти удовлетворяющие требованиям хозяйственного самодовления. Но разве об этом сейчас речь?

Разве от экономической только неурядицы погибает мир? Но уже политическая автаркия России, как мы видели выше, является вредной утопией. И на Западе, и на Востоке Россия выросла всеми своими членами глубоко в другие политические миры. Ее нельзя оторвать от мировых силовых систем, как нельзя разрубить сиамиских близнецов.

Что же сказать об автаркии культурной? О перспективах русского будущего в случае гибели Европы? Тяжело говорить об этом сложнейшем вопросе в нескольких строках. Но надо выразить свое убеждение, основанное на опыте тысячелетней истории. Вот оно. Россия и Запад имеют не совсем тождественные истоки; это определяет, вероятно навсегда, особенность двух христианских миров. Но и Византия, и Рим восходят к той же Греции. Это объясняет сравнительно легкую возможность общения и взаимного оп-

лодотворения. Петровская Россия была не изменой — или не только изменой, — но и обретением собственной сущности в заимствованных формах культуры. Лишь благодаря Западу Россия могла выговорить свое слово.

*И на Западе, и на Востоке Россия вросла всеми своими членами глубоко в другие политические миры. Ее нельзя оторвать от мировых силовых систем*

В своей московской традиции она не могла найти тех элементов духа (Логоса), без которых все творческие богатства останутся заколдованной грезой. С Европой она проснулась и, мужая, работая, борясь, до конца опиралась на опыт и разум западной сестры, которой уже начала щедро платить за науку. Ныне эта связь жестоко порвана вместе с истреблением целого культурного слоя, бывшего хранителя этой связи. Результатом было общее оскудение и опошление. Первым роковым признаком недуга было падение литературы — последний демонстрируется в лесах Финляндии, в разгроме русских дивизий.

С этой интерпретацией можно спорить, можно искать других причин русских поражений и русского упадка под коммунистической властью. Эти другие причины существуют, смешно было бы отрицать их. Думается только, что и после освобождения России от сталинизма ей не жить цветущей культурной жизнью, если она сохранит китайскую стену, отделяющую ее от Запада, или если этот Запад погибнет как культурный мир.

Есть один элемент христианской культуры, нам всем дорогой, любовно выращенный в петербургский период нашей истории и теперь выкорчеванный

без остатка. Это свобода, которая с таким трудом пробивалась в крепостнически-самодержавном царстве, но наконец сделалась неотъемлемой частью русской жизни. Эта свобода целиком выросла на почве западной культуры как результат сложного воздействия духовных сил. В византийско-московской традиции у нее не было никаких корней. В этом и состояла трагедия русского славянофильства и вообще русского национального свободолобия.

Вот почему с такой невероятной легкостью свобода могла быть выкорчевана из сознания русских масс, лишенных общения с внешним миром, принесших в марксистскую школу лишь древние инстинкты Московии. Коммунизм сгинет вместе со своими идеологическими катехизисами. Но Московия останется. Останется тоталитарное государство, крепкое не только полицейской силой, но и тысячеклетными инстинктами рабства. Разбить его может лишь новый — столь же тоталитарный, то есть религиозный — идеал свободы, который некогда разложил и старую Московию. Но сейчас свобода жива лишь на христианском Западе и ведет отчаянную борьбу с обступившими ее силами тьмы. Война ведется не только на полях сражений, но и на всех участках культурного фронта: в искусстве, в философии, в теологии. От исхода этой борьбы зависит участь мира на много веков. От нее зависит и участь России. Судьбы России решаются на линии Мажино, в Атлантическом океане, в снегах Финляндии. Странно, дико сложилась история. Русские войска умирают за свое собственное рабство. Финны сражаются не только за свою свободу, но и за свободу России.

## **МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

---

### **ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ**

**Андрей Захаров.** Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме (август 2008).

---

Автор обращает внимание на парадокс, характеризующий модель современной российской государственности. В годы президентства В.В. Путина российская власть зримо тянулась к восстановлению утраченного статуса «великой державы», недвусмысленно намекая на то, что Россия — империя не только в прошлом, но, возможно, и в будущем. При этом страна продолжала и продолжает представляться в качестве «Российской Федерации», хотя федеративный порядок, основанный на договоре, координации и демократии, не слишком вяжется с имперским строем, базирующимся на жесткой субординации и авторитаризме. На чем же держится противоречивая политическая конструкция, именуемая автором «унитарной федерацией»? Очерки, составившие эту небольшую книгу, именно об этом. Почему в России федерация оказалась столь похожей на империю? Какие задачи решает это нарочитое «переодевание» имперского государства в федеративные одежды? Как выглядит российский опыт федеративного строительства в контексте европейского опыта? Почему выборы, проводимые исключительно по партийным спискам, противоречат духу федерализма? Действительно ли федерализм ослабляет демократию, или, напротив, он укрепляет ее?

**Новый общественно-политический словарь.** Пер. с франц. (сентябрь 2008).

---

Анализ публичной политики приобрел во Франции в последние десятилетия впечатляющий размах. По словам французского ре-

дактора Словаря, эта дисциплина сегодня наверстывает свое отставание в стране. Поэтому возникла потребность в обобщающей работе, предлагающей набор инструментов (терминов и понятий), используемых для анализа публичной политики. Словарь дает представление не только о старых понятиях, таких как *администрация, государство, капитализм, экспертиза, группа интересов* и т. д., и о современных теоретических и методологических спорах по их поводу, но и возможность познакомиться с новыми концептами, такими как *воздействие информации, европеизация, оценка, новый публичный менеджмент*. Словарь содержит около 60 терминов и понятий, позволяя составить достаточно полное представление об изменении способа «мыслить государство», то есть понять изменение роли правительственных инстанций в странах западной демократии в контексте европеизации, глобализации и изменившихся отношений между администрацией и гражданским обществом.

**Юрий Пуцаев.** Политика и дружба  
(октябрь 2008).

---

Книга о том, как в наши дни политика ставит людей, и не просто людей, а настоящих друзей, по разные стороны баррикад, о том, что гражданская война в стране еще не совсем окончена, а также о том, какое место может занимать дружба в политике и политических отношениях. В этих контекстах анализируется как настоящее (включая переписку в Живом журнале между современными публицистами), так и прошлое: античность (теория дружбы Аристотеля), особенность революционного сознания, гражданская война в России, коллективизация, Сталин и сталинские репрессии. По жанру это нечто среднее между политической публицистикой и философией политики. Автор — редактор отдела ж-ла «Вопросы философии».

**Вадим Бондарь.** Коррупция и местное сообщество  
(ноябрь 2008).

---

Эта книга — результат серии семинаров, проведенных в различных регионах России, и основана на результатах серии социологических исследований, на изучении множества случаев коррупционных правонарушений из судебной практики и практики работы органов МВД и прокуратуры, на обобщении опыта противо-

действия коррупции на муниципальном и региональном уровнях. Исследование предназначено в первую очередь местным депутатам, главам муниципалитетов, активным гражданам, представителям бизнеса, юристам — тем, кто инициирует разработку местных программ противодействия коррупции, а также муниципальным служащим и сотрудникам региональных администраций, ответственным за сферы безопасности и организацию системы государственной и муниципальной службы, сотрудникам правоохранительных органов. Она может быть также полезной студентам, обучающимся по специальностям «государственное и муниципальное управление» и «политология», студентам юридических специальностей и всем гражданам, неравнодушным к делам своего местного сообщества.

**Артем Марченков.** Правозащитный карасс в Ювенильном море (март 2009).

---

Эссе о смене поколений в «третьем секторе» и о точках пересечения идеологии прав, свобод и достоинства человека с различными типами самоутверждения, успеха и эмансипации, свойственными современной российской молодежи. Интрига грядущего поколения показана не в плоскости хрестоматийного конфликта «отцов и детей», а во внутр поколенческой конкуренции взаимоисключающих сценариев будущего, отраженных в стилевых, мобилизационных, проективных образах «космонавта», «растиньяка», «бумера» и «ушельца». Каждое из описанных поколенческих течений содержит как новые возможности для правозащитного движения, так и скрытые угрозы его идентичности, вносит в повестку дня тему «правозащитной Реформации» и сопутствующих ей рисков.

**Роберт Даль.** О политическом равенстве. Пер. с англ. (март 2009).

---

Автор этой книги, американский политолог, профессор Йельского университета, давно и довольно хорошо известен в России. Исследуемая автором проблема политического равенства граждан актуальна не только для Соединенных Штатов, но и для России. Как сочетать потребность в политическом равенстве, жизненно важном для демократических систем, с нарастающим имущественным неравенством? Обозревая признаки потенциального упадка демократии, он с тревогой отмечает, что сохранение либе-



ральных демократических систем отнюдь не гарантировано даже в тех странах, которые традиционно считались пионерами в этой области. В XXI веке демократия испытывает серьезные стрессы. Что нужно делать, чтобы предотвратить ее дальнейшую деградацию? Именно об этом эта интереснейшая книга.

**Ютта Шеррер.** Германия, Франция, Россия: в поисках идентичности. Пер. с нем. (май 2009).

---

Не только постсоветская Россия, но и все западное общество, по словам автора, переживают в настоящее время кризис системы ценностей и нуждаются в смене парадигмы. В книге рассматривается проблема взаимосвязи памяти, истории и забвения в историческом контексте поиска идентичности в таких разных культурах, как немецкая, французская и российская. Автор считает, что только универсальная категория ответственности в качестве обобщающего фактора способна объединить названные культуры, и выступает за культуру ответственности, в которой решающая роль, по ее словам, принадлежит гражданскому обществу.

**Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель.** Модернизация, культурные сдвиги и демократия. Пер. с англ. (август 2009).

---

Авторы этой книги давно и плодотворно занимаются изучением социальных ценностей, способствующих утверждению и поддержанию демократического порядка. Рассматривая политическую и экономическую модернизацию как процесс, радикально трансформирующий ценностные ориентиры людей, они противопоставляют «ценности выживания», доминирующие в традиционных обществах, и «ценности самовыражения», преобладающие в обществах передовых. Доказывая, что бедность и демократия не совместимы друг с другом, авторы обосновывают наличие взаимосвязи между индивидуализмом, «ценностями самовыражения» и демократическим порядком. Взаимосвязь между ценностной системой социума и порождаемыми им институтами доказывается ими не только теоретически, но и с привлечением обширного эмпирического материала. Особое внимание в книге уделяется формированию гражданской культуры участия в демократическом процессе.

## CONTENTS

<b>To Our Reader</b> .....	5
<b>Seminar</b>	
The Political Resurgence of Religion in the XXIst century <i>Christopher Coker</i> .....	7
Discussion .....	17
<b>Theme of the Issue</b>	
«National Images of the Past» <i>Address of the International Society Memorial</i> .....	26
<b>Results of Putin's Presidency</b>	
Myth of the New Cold War <i>Stephen Kotkin</i> .....	33
<b>Concept</b>	
The Problem of Corruption in a Local Community <i>Vadim Bondar'</i> .....	47
<b>Discussion</b>	
The «National Leader» as Political Phenomenon <i>Andrei Zakharov</i> .....	56
«I disagree...» <i>Leonid Smirnyagin</i> .....	61
Reflections about the «National Leader» <i>Irina Busygina</i> .....	64
Patriotism, Identity and Politics <i>Gleb Tyurin</i> .....	68
<b>Viewpoint</b>	
Being an Expert under Soft Authoritarianism <i>Alexei Makarkin</i> .....	74
Religion and Values: On Relationship between Religion and Politics <i>Claus Mertes</i> .....	80
Russian Reforms and Social Solidarity <i>Aleksander Sogomonov</i> .....	85
<b>A Life in the Profession</b>	
The Civil Service, Politics and Business: A View from America <i>Toby Gati</i> .....	90

**Ideas and Notions**

Institutions

*Irina Busygina*

*Andrei Zakharov* ..... 98

**Announcement**

New Social-Political Dictionary

Foreword

*Pierre Muller* ..... 105

**Books**

A Soviet Childhood in English

*Andrei Zakharov* ..... 108

Counter-Point

*Aleksander Arkhangelski* ..... 110

**Nota bene**

Federation and Russia

*Georgiy Fedotov* ..... 114

## В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

---

**Главная тема:**

ЦЕННОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

**СЕМИНАР**

(Голицыно, июнь 2008)

**Наши авторы:**

*Александр Архангельский*

*Александр Аузан*

*Андрей Захаров*

*Константин Косачев*

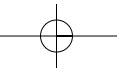
*Владимир Лукин*

*Виталий Найшуль*

*Ирина Прохорова*

*Владимир Рыжков*

*Альваро Хиль-Роблес*



Московская школа политических исследований

**Sapere aude!**

**ИМЕЙ МУЖЕСТВО**

**МЫСЛИТЬ!**

**Вам помогут**

наши книги

В СЕРИЯХ

- **БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ  
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Проблемы общества и демократии

- **КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ФИЛОСОФИЯ**

Исторический опыт и политическая практика

- **СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ**

Вызовы XXI века

наш журнал

- **ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ**

Вестник Московской школы политических исследований

Заказать книги и подписаться на журнал  
можно по тел.: (495) 202-85-01

Эл. почта: [mmps@mmps.su](mailto:mmps@mmps.su)

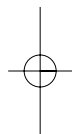
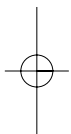
Почтовый адрес:  
123104 Москва, Большой Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 30

Получить информацию о книгах вы можете  
на сайте Школы [www.mmps.ru](http://www.mmps.ru)

квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <b>Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2008 г. (4 выпуска)</b> (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа <b>800</b> рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <b>Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2008 г. (4 выпуска)</b> (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа <b>800</b> рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»  
можно следующим образом:**

1. **Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
2. **Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)202-85-01 или по эл. почте [msps@msps.su](mailto:msps@msps.su)
3. **Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте [msps@msps.su](mailto:msps@msps.su) или по тел. (495)202-85-01.



---

Подписано в печать 23.06.2008.  
Формат 70×108/16.  
Бумага мелованная.  
Гарнитура Newton.  
Усл.-печ. л. 8.  
Тираж 1000 экз.  
Заказ №

Московская школа  
политических исследований  
123104, Москва,  
Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 30.  
e-mail: [mmps@mmps.su](mailto:mmps@mmps.su)  
<http://www.mmps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.  
Отпечатано с готовых диапозитивов

